

"Почему появилось понятие «Троица»".

Данкан Хистер

Christadelphian Advancement Trust

PO Box 3034 South Croydon CR2 0ZA UNITED KINGDOM

www.christadelphiane.org email: info@carelinks.net

По-моему, в Библии достаточно доказательств **против** такого понятия как «Троица», и все же подавляющее большинство называющих себя Христианами, верят в Троицу. Более того, они считают, что не верящие в нее не могут называться Христианами, а потому и являются всего лишь «сектантами». Совершенно ясно, что в Христианском Новом Завете не встречаются ни учение, ни даже само слово «Троица». В некотором смысле, Иисус «стал» для многих Христиан Богом лишь потому, что так решили некоторые епископы. Но почему и как это произошло, и почему сложилось такое враждебное и непримиримое отношение к не верящим в Троицу «еретикам»? Если проследить историю Христианства первых веков, можно сделать кой-какие предположения.

1. Компромисс с язычеством

С самого начала в язычестве существовала одна особенная странность, когда в одном из многих богов существовал другой, так сказать, «меньший» бог. У каждого племени, в любом городе или деревне, были свои собственные боги, но поскольку они входили в состав других племен и присоединялись к более крупным городам и селениям, то считалось, что и их боги присоединялись вместе с ними к другим богам, становясь, естественно, на более нижнюю ступень. Так появлялись пантеоны богов, в которых одни боги занимали более высокое положение в поклонении, чем другие. Люди верили, что их боги продолжали существовать и после их присоединения к другим, более крупным и сильным народам и их богам. Всегда, у всех народов существовало твердое убеждение в том, что как тело не существует без души, так и бог не отделим от земли, или селения верящего в него народа (1). Именно поэтому Неман хотел взять из Израиля немного

земли в Сирию, что стало бы признаком того, что Бог Израиля является также и его Богом (4Цар 5:17). Когда племена уводились в плен, или когда завоевывалась земля коренных ее жителей, считалось, что ее боги с их верованиями оставались на ней. Так появилось представление о «божественности». Довольно странно, но отношения божественной Троицы, очень схожи с отношениями между богами в языческих «троицах». Апологеты Троицы в один голос твердят о различиях происхождения Отца, Сына и Святого Духа, что, по сути, является самым слабым местом в этом понятии. И те же самые трудности в понимании и объяснении встречаются и у желающих объяснить божественность остальных языческих троиц. Также из литературы, картин и скульптур, изображающих языческие божества, видно, что все они выглядят наполовину как люди, и на половину как животное. И опять-таки, то же самое можно разглядеть и в Иисусе из «Троицы».

Такая смесь язычества с Христианством позволяла делать менее болезненным переход из одной религии в другую, и ниже я привожу некоторые типичные примеры, взятые из Европейских стран. Многие теологи полагают, что сама мысль о сошествии божества на землю для искупления верных была широко распространенным мифом Ближнего Востока первого столетия (2). Также легко понять, что первые Христиане испытывали сильное искушение поверить, что Христос до Своего рождения уже был Богом, ибо тогда их новая вера не так сильно отлилась бы от окружающих их поверий, а потому многие и начали ради этого истолковывать многие места в Библии по-своему.

Представление о божественной «Троице» было широко распространено в язычестве. Так у Египтян было три главных бога: Осирис, Исида (Изида) и Гор.

Последний из них, Гор, включал в себя так называемые три «ипостаси»:

Гор – Царь;

Гор – бог Ра;

Гор – скарабей.

Так и в индусских Ведах, написанных около 1000 лет до Н.Э., говорится о существовании Бога в трех лицах:

Агни – бог огня, живет на земле;

Индра – царь богов, повелитель небесного царства;

Сурья – бог солнца.

Со временем индусское «Тримурти» (индусская Троица) преобразилась в:

Брахму – силу создания;

Вишну – силу сохранения;

Шиву – силу преобразования.

В Христианской литературе понятие троиственности ввел в 170 году епископ Антиохии Феофил, а само слово «Троица» в 200 году – Тертуллиан. Так они перенесли в Христианство, прижившиеся за тысячи лет, знакомые всем языческие понятия.

Так Баррингтон Виндзор (3) замечает о существующей «тяге к числу три в Кельтской религии». И дальше: «Число три часто встречается в иконографии как образ силы и власти, например, на камне с тремя лицами из Корлека и Кавана в Ирландии или на горшке из Баве в северной Франции с изображением на нем божества с тремя лицами, хотя этот трискелион проходит лейтмотивом и в Кельтском искусстве. Это понятие становится более важным в Римско-Британской и Гало-Римской религиях в форме «Матроны», богини, состоящей из трех богинь: богини силы, богини власти и богини плодородия. Еще одна, но менее известная тройная богиня Салувия, покровительница родников... описывается в Луговсе, в Швейцарии и Испании, также часто встречается, как составляющая «троицы», в Луге (Ирландское божество). В островной Ирландской литературе снова и снова встречается понятие «троицы». Морриган («Великая Госпожа Ворон») — богиня, разделяется тоже на три: на Морриган, на Бадб и Немаин. Имена Бригиты и Махи тоже встречаются в «троицах». Так и хочется спросить: не являются ли Езус, Таутатис и Таранис таким же тройным разделением, предложенным Луканом?»

А потому нет ничего удивительного в том, что представление о Боге, как «Троице», было так легко принято в Европе, а один истинный Бог, вместо того, чтобы нашу человеческую веру определяла Библейская

истина, смешался с языческими представлениями и культурой. Если копнуть еще, то обнаружатся еще и то, что Канлифф называет «триптихами» - языческие божества существующие в трех видах, или лицах. Такие, например, как «трехногие лягушки Мэн» с острова Мэн, изображения которых отчеканены на монетах, найденных в Италии и Малой Азии, датируемых еще до Христианских времен. Описания и изображение тройных фигур, называемых «трискелион, трискель, трискел», символ, встречающийся у греков, крито-македонцев, этрусков, кельтов. В Бате существует также небольшой керамический диск, а англичанам хорошо известны божества, изображавшиеся в образе матери, но в тройном виде. Эти триады богини матери были распространены на западе Британии в начале Римского царства, что, возможно, и отразилось в ранних Ирландских преданиях. Подлинные экспонаты находятся в Батском музее Великобритании.

Влияние Греции

Греческая мифология была хорошо известна всем обращенным ранним Христианам, следы которой можно встретить во множестве легенд о том, как молодые, в расцвете сил люди жертвовали собой, чтобы в неравной схватке победить сверхъестественных врагов, умереть, воскреснуть и оказаться на небесах, став богами, поклоняемыми на земле. Классический тому пример – Геракл. Мартин Хенгель приводит много таких примеров (4). Люди, кое-что слышавшие о Христианском благовестии, но не понявшие его, или не обратившие на него должного внимания, часто путают написанное об Иисусе с мифами и легендами. А заканчивается это тем, что они начинают думать, что и Иисус является таким же богом, как и все прочие... опасный шаг к вере в «Троицу», что для таких людей является естественным и легким шагом. Но, если бы они по-настоящему обратили серьезное внимание к слову Христианского Евангелия, они бы заметили явную разницу между сказками об Иисусе Христе и Им Самим. Но, поскольку они не внимательны к тому, что о Нем говорит слово Божие в Евангелии, они полагают, что и Евангелия являются не словом Божиим, а такими же сказками, как и мифы окружающего их мира.

Римское влияние

Около 8 года Н.Э. были опубликованы поэмы Овида, называвшиеся «Метаморфозы», в которых полным-полно рассказов о сходящих с неба богах, воплощавшихся в людей, а потом снова возносящихся на небеса. Рассказывается, как на землю в виде людей сошли Зевс и Гермес (Юпитер и Меркурий) и вошли в дом Филемона и Бавкиды. И таких рассказов существовало много в первом столетии. Когда Павел с Варнавой творили чудеса (Деян 14:11), то люди были уверены, что они были Ермием с Зевсом (так в Греции называли Меркурий и Юпитер). Обратите внимание на то, с какой горячностью Павел начал отрицать это! Цицерон, писав правителю Азии, призывал его поступать так, как если бы он был сошедшим на землю воплотившимся божеством (Ad Quintem Fratrem I.i.7). В 30 году до Н.Э. Гораций, обращаясь к кесарю Августу, называл его воплотившимся Меркурием, говоря, что сын Меркурия сошел с небес, «искупить человеческую вину» («Оды» I.2). В 40 году до Н.Э. Вергилий написал нечто вроде пророчества, «что позже было принято считать за Христианское пророчество о Мессии» (5). Я считаю, что все это очень важно. Представления людей о сошествии на землю в виде человека уже существующего бога, дабы спасти и искупить человечество, уже существовало у язычников. Именно эти представления и были впитаны Христианством, а потом и стали почитаться в ортодоксальной Христианской церкви, как учение о «Троице». Почитающим «Троицу» всегда трудно ответить на такой вопрос: как объяснить бросающееся в глаза сходство вашей веры с верой греческих и римских верующих времен Иисуса Христа? Одного этого вопроса достаточно, чтобы поставить в тупик. А уж о том, что в Новом Завете вообще нет ни слова о троице, перевоплощении, воплощении Бога в человеке, о существовании Иисуса до Своего рождения и проч., и говорить не приходится. Этот же вопрос стоит задать, когда при помощи нескольких мест из Нового Завета, пытаются доказать существование «Троицы», ибо Апостолы, если что и говорили, ссылаясь на языческую мифологию, то лишь для того, чтобы опровергнуть ее. В этих занятиях я часто приводил примеры такого рода. См., например, мои комментарии к Посланию к Филиппийцам 2.

Римляне не высмеивали богов завоеванных ими народов, они старались присоединить их к своим верованиям. «Обычно местные боги сливались с римским пантеоном, местный бог грома мог просто стать называться Зевсом, или Юпитером в несколько ином облики, что связывало обряды, а страх перед победителем не допускал местной культуре подрывать Римское превосходство» (6). Когда Рим принял Христианство, его политика не изменилась, а потому он так охотно перенес «триптихи» местных язычников в созданное Константином Христианство. После Константина, дабы утвердить единство веры по всей Римской империи, начали возводить храмы. «Таким образом, языческий обычай поклоняться богам в величественных строениях, успешно перешел в Христианство, хотя такая вычурность была совершенно чужда Христианству...» (7). После Константина утвердить веру в «Троицу», как

единственно правильную веру, попытался сделать Феодосий, что, естественно, вызвало гонения, как язычников, так и верующих в Христианскую «Троицу». А гонения вызвали сопротивление... потому то Римская империя нашла компромисс и примирила, казавшиеся непримиримое. Так, к примеру, вышел закон, запрещающий ставить свечи в языческих святилищах, но было разрешено зажигать лампы перед Христианскими жертвенниками и могилами. Иероним Блаженный оправдывал это, утверждая, что языческие понятия принимались, когда они совпадали с Христианскими понятиями.

Не стоит также забывать, что «Троица» была узаконена лишь Никейским собором в 325 году. Собор был созван Константином после его решения изменить привычную языческую веру Римской империи в Христианскую. До этого решения Христианство жестоко искоренялось. Некоторые из прибывших на собор носили на своих телах и лицах следы недавних пыток. Язычники (ложно) обвинили Христиан в том, что они поклоняются Иисусу, почитаемого ими за Бога. Плиний отмечал, как они «поют гимны Христу, как богу» (8). В языческом Римском мире только евреи не поклонялись другим богам лишь потому, что существовал один, единственный истинный Бог. То, что Христиане поступали так же, заставляло их думать, что и они верят лишь одному Богу, Которого они называют «Христом». Так же и Иудеи были убеждены, что любой человек, заявляющий, что Он Сын Божий, тем самым заявляет, что он сам Бог (Ин 10:33-36; 19:7), хотя Иисус и говорил об их заблуждении! Как часто бывает так что то, что думают о себе несколько человек, о них начинают думать и их враги. Константин был политиком и воином. Он не копался в Библии и не был богословом, как не был и искренним Христианином (9). Несмотря на то, что он принял Христианство, он отказался креститься, объясняя свой отказ тем, что собирается грешить и дальше. Похоже, он считал, что для его империи тогда лучше всего подошло Христианство.

Так началось Христианство. Константин, как и многие новообращенные «христиане», перетаскивали с собой свои языческие, выросшие вместе с ними, представления о Христе. Язычники же, что видно у Плиния и других, считали, что Иисус был Царем Бога. А потому Константин, присутствовавший на Никейском соборе, и слушающий спор о том, кем был на самом деле Иисус, естественно склонился к тому, что Иисус и является Самим Богом, что с несущественными поправками и было принято традиционным Христианством.

Примечания

(1) H. Renckens, *Israel's Concept of the Beginning: The Theology of Genesis 1-3* (New York: Herder & Herder, 1964) p. 69. Chapter 6 of Renckens'

book exemplifies in more detail this development of 'godheads' within paganism.

(2) Barry Cunliffe, *The Ancient Celts* (London: Penguin, 1999) p. 17

(3) Rudolph Bultmann, *Theology Of The New Testament* (New York: Scribner's, 1965) Vol. 1 p. 166; F.B.Craddock, *The Pre-Existence Of Christ In The New Testament* (Nashville: Abingdon, 1968); M. Wiles, *The Remaking Of Christian Doctrine* (London: S.C.M., 1974) Chapter 3.

(4) Martin Hengel, *The Cross Of The Son Of God* (London: S.C.M., 1986) pp. 192-194.

(5) Frances Young, in John Hick, ed., *The Myth Of God Incarnate* (London: S.C.M., 1977) p. 97.

(6) Charles Freeman, *AD381: Heretics, Pagans And The Christian State* (London: Pimlico, 2008) p.18.

(7) Freeman, *ibid* p. 48.

(8) Pliny (the Younger), *Epistles* 10.96. English translation in *A New Eusebius: Documents Illustrative Of The History of The Church To AD 337*, ed. J. Stevenson (London: S.P.C.K., 1974) pp. 13-15.

(9) Есть веские исторические доказательства, что к открытию Никейского собора Константина едва ли можно было считать христианином. Существует общепринятое мнение, что во время сражения в 312 году ему явился Христос, повелев ему вести в бой воинов, неся впереди крест, после чего, в благодарность за одержанную им победу, он стал христианином. Впрочем, существуют и веские возражения против этой версии. После сражения он утверждал, что ему помогло «верховное божество», в честь которого он поместил «небесное Божие знамение» на щитах воинов. Однако исторические источники утверждают, что вскоре после начала сражения на щитах был нарисован не крест, а лабарум, явившегося Константину накануне битвы у Мульвийского моста, символа солнца. Лишь многими годами позже Евсевий, писавший биографию Константина, также написал, что это было знамение креста. После битвы в 312 году в честь ее Константин воздвиг триумфальные ворота напротив Римского Колизея, украшенные барельефами Марса, Юпитера, Геркулеса (бога войны), приписывая победу силе бога солнца. На изображенных там воинах со щитами нет крестов! Еще в 320 году на монетах с изображением Константина, на его голове венец с Sol Invictus («Непобедимое Солнце») римского бога солнца. И было ли это совпадением, что он объявил 25 декабря (главный праздник, Sol Invictus) днем рождения Иисуса? Более того, его новая столица, Константинополь, была отдана на попечение местным

божествам, Реи и Тайки, которым Константин соорудил храмы в своей новой столице.

2. Искреннее заблуждение?

Существовал также и искренний элемент недопонимания в толковании. Если читать Новый Завет с учетом хронологической последовательности, то можно заметить, что со временем о Господе Иисусе говорится все лучше и возвышеннее. Например, в Евангелиях Господь Иисус очень часто называется «Сыном Человеческим», однако в конце Нового Завета так Он называется всего лишь один раз. Марк, написавший первое Евангелие, никогда не называет Иисуса «Господом». «Господом» Его, как правило, называет многими годами позже, Павел. В Евангелии от Иоанна, написанном после всех Евангелий, о Господе Иисусе говорится более возвышенным языком, чем в других, более ранних Евангелиях. Возрастающее понимание величия Иисуса, возможно, лучше всего отражено в Откровении, самой последней, написанной по вдохновению книге Нового Завета, где Иисус превозносится выше всего. Как Павел, так и Петр, говоря об Иисусе, все тщательнее и тщательнее подбирают с любовью слова, описывающие Его величие. Логично предположить, что эта тенденция продолжилась и после их смерти, ибо верующие также всё лучше и лучше начинали сознавать, что плотник из Назарета, на самом деле был Сыном Божиим, а ныне – превознесенный на небе и земле Царь. И, как последняя капля, звучат слова Роберта Робертса, сказавшего в 19-м столетии, что «невозможно превознести Христа слишком высоко». Но (и это очень важное «но») речь о превозношении Иисуса теряет всякий смысл, если в Иисусе видеть ипостась «Троицы». Я заметил, что почти все заблуждения возникают не предумышленно, чисто на психологическом уровне. Одно дело видеть в Иисусе Бога, и совсем другое видеть в Нем ипостась «Троицы». Думаю, что такие искренние заблуждения неосознанно основывались на стремлении к упрощению. Очень трудно поверить, что человек, рожденный со всеми человеческими слабостями и пороками, мог быть совершенным; что из уст палестинского иудея могли исходить слова Бога Вседержителя. Для нас это непостижимо, ибо и мы простые люди, а чтобы и мы могли стать, как Он, быть подобны Самому Богу, так это вообще немыслимо. Нам сказано, чтобы мы подражали Ему, а как мы можем Ему подражать, если надо начинать с самого сокровенного «я», что неизбежно повлечет за собой неудобства, трудности, а то и страдания. Если же Иисус только выглядел как человек, а был на самом деле Богом... совсем другое дело. Если Он не Человек, а Бог, то мы не сможем Ему подражать во всем.

- Необходимо также помнить, что все попытки выразить человеческим языком величие Господа Иисуса, того, что Он сделал, Кем Он был, и Кто Он есть, заранее обречены на неудачу. Можно, нарушая грамматические правила, писать относящиеся к Нему слова с большой буквы (как это и принято в синодальном переводе), но и это не может передать всего, что я думаю о Нем. Полагаю, всем настоящим верующим знакомо, о чем я говорю. Или, как об этом было очень хорошо сказано Робертом Робертсоном: «Невозможно превознести Христа слишком высоко». Возможно, именно по этой причине

люди начали называть Иисуса «Богом», что и привело к мысли, что Иисус и Бог – одно и то же. А это, в свою очередь, извращает слово Божие, умаляя невыразимое величие достигнутое Человеком Иисусом Христом. В Новом Завете можно встретить много благоговейных слов о величии Господа Иисуса, ну, а поскольку эти слова исходили от Святого Духа Его Отца, то будет лучше всего, не выдумывать свои слова и выражения, а применять их и нам. То, как было в оригинале написано предисловие Евангелия от Иоанна, и что было сказано о Его величии в Флп 2:9-11, наталкивает на мысль, что это пелось верующими, наподобие тому, как воспевались гимны. Плиний Младший («Epistle» 10.96.7) пишет о Христианах, «воспевающих гимны Христу, как Богу», вероятно, имея в виду как раз эти места. Очень может быть, что и мы часто становимся такими же, когда и на нас клеветают наши противники, обвиняя в том же самом. Противники ранних Христиан клеветали на них, утверждая, что они принимают Иисуса за Бога, что и было принято многими, хотя и не было правдой.

- Также вполне возможно, что кто-то читал, или слышал о Христе уже в *сегодняшней* славе, а потому и стал думать, что так было, есть и будет всегда, а потому и стали изображать Его молящегося в Гефсимании на иконах, с нимбом на голове, пытаясь тем самым передать Его *сегодняшнюю* славу. На самом же деле, неизвинительно выделять из Библии лишь несколько стихов, и делать вид, что все остальное, написанное в ней о том же самом, не имеет значения. Великодушно отношусь подобного рода взгляды к «искренним заблуждениям». Ибо Библия – Его слово, сказанное нам и соблюденное для нас... а потому мы и слушаем его и слышим его точно также, как и всё остальное, схватываем *пару*, кажущихся нам главными фраз, и на основе их выстраиваем свое, совершенно неверное представление о сказанном нам.

- Гай Светоний пишет о частых «беспорядках, производящимися христианами среди Римских Иудеев» («Claudius» 25.4). Слово «христы», означает «рабы», именно этим и был известен Иисус – рабом ставшим царем. Однако в средиземноморском мире эти понятия были совершенно несовместимы: царь просто не мог быть кротким и смиренным. Для меня важно то, что Светоний пишет о Господе Иисусе, прославившемся тем, что Он сначала был «христом» (Христом), прославившись рабом. Само собой, что совершенно правильно, если мы называем Иисуса «Христом», но не стоит забывать, что для первых Христиан, Он был прославлен за Свое смирение и кротость, почему и был превознесен. Почитатели «Троицы», почитая ее и превознося, похоже, забывают об этом, перемещая все свое внимание на недалекое и узкое «Иисус = Богу».

- Считается, что Христианство всегда было и остается радикально настроенным против любой культуры. В Римской империи о царстве кесаря говорилось одними и теми же словами, что и о Царстве Божием и Сыне Его. В другом месте я приводил примеры этого (1). Так «Кесарь – господь», стало в раннем Христианстве «Иисус – Господь» (2). Думаю, что и это повлияло на возникновение заблуждений, ибо среди ранних Христиан было много безграмотных, которые заметили эту особенность Христианства, а потому и решили, что сказанное о кесаре, также относится и к Иисусу, хотя одни и те же

имена, даваемые разным людям, вообще ничего не значит. А потому, когда заявляли, что кесарь существовал как бог до своего рождения, а после смерти возвратился на небо, то безграмотный народ, а вслед за ним и другие, решили, что, то же самое относится и к Иисусу. Впрочем, может быть, я слишком снисходителен и в этом. Ранние Христиане с отвращением относились к поклонению императору, хотя со временем Христиане, жившие в Римском мире, начинали перенимать кое-что от поклонения императору, которое они первоначально не признавали. В средние века Христос на иконах изображался в виде императора, а Бог в виде папы Римского. У Яна ван Эйка и Сандро Боттичелли на голове Бога Отца такой же тройной венец, или корона, которая была и у папы Римского (3), а это верный признак явного смещения отступнической церкви с этим миром, где «Троица» играла далеко не последнюю роль.

- Первоначально, что видно на примере из Евангелия от Иоанна, суть Христианства заключалась исключительно в вере в Иисуса. Вместе с возрастанием критики Христианства, неизбежно возрастал и встречный отпор ее. Это можно наблюдать и сейчас в политических дебатах, когда сторонники Х, отвечая на критику его, начинают говорить о нем все лучше и лучше, превознося его до небес, до которых ему явно еще очень и очень далеко. И это, конечно, понятно критикам, а потому их язвительность становится еще более ядовитой. Такова уж суть любых споров. Когда Иудеи начали изгонять Христиан из своих синагог (Ин 9:22; 12:42; 16:2), распространяя клевету об Иисусе. Само собой, что мало знающие Библию верующие, вступая в споры с ними, начинали восхвалять и превозносить Иисуса гораздо выше, чем Он был на самом деле.

Мышление евреев

Много раз уже говорилось, что трудности нашего понимания Библии, зачастую возникают из-за разницы мышления, из-за разницы нашего Западного, «греческого» понимания еврейской литературы. Человек, мыслящий Восточными образами и понятиями, может сказать, что сегодня Израиль убил 1000 палестинцев, когда на самом деле было убито 10 человек. 1000 градусов жары, может значить всего 40. Сталкивающийся с такими преувеличениями человек с Западным настроением мышления, скажет, что это просто неправда, а потому и все написанное не заслуживает доверия. Для человека же с Восточным образом мышления в подобных «преувеличениях» нет ничего необычного и ложного. Многие толкователи притч Господа впадают в отчаяние, когда пытаются объяснить Западным читателям их смысл с исключительно буквальной точки зрения (т.е. так, как они думают сами). Они в притче стараются истолковать каждое слово, каждое понятие отдельно, не учитывая особенности Восточного образа мышления, с присущими ему преувеличениями и парадоксальностью. «В подавляющем большинстве притч

Иисуса для ума, старающегося понять их буквально и объяснить логично, содержится нечто нереальное, нечто фантастическое, а то и просто лишенное смысла. Однако существует не только буквально мышление.... Взять, к примеру, еврейскую религию и ее собственных, вместе с Иисусом, пророков, которые не были буквально поэтами, хотя бы из-за своей малообразованности. И, если теологи не могут из-за этого понять еврейских писаний, это значит, что они не могут понять большей части Библии» (4). А потому нет ничего удивительного в том, что возникает так много споров и непонимания, когда речь заходит об отношениях между Отцом и Его Сыном.

По еврейским понятиям, если говорить о Боге и Его желаниях, значит говорить об исполнении этих желаний, что, кстати, отражено и в других иудейских произведениях. Так и Исход написан таким же образом, когда сначала Бог заповедует что-то о скинии, а Моисей исполняет заповеданное. Вначале Евангелие от Иоанна говорит о «Слове» Божиим, которое хотело обрести «плоть» и обрело ее в Господе Иисусе. И это классический пример еврейского мышления, хотя и написанный по-гречески. Позже мы покажем, что в еврейском мышлении посланный кем-то может являть того, кем он послан, а потому и из Ин 1:1-14 ни один человек с Восточным образом мышления, не выведет, что Иисус является Богом. Такой вывод делают лишь читающие и понимающие прочитанное исключительно буквально.

В статье ["Божественная сторона Христа"](#) , я уже говорил, что в Новом Завете часто бок о бок говорится как о Его человеческом естестве, так и о Божественном. Это типично для семитского образа мышления, когда что-то одно располагается рядом с похожей темой, чтобы создать связь между ними ради общего для них обоих вывода. Если вернуться к Исходу, то можно прочитать о том, как сердце фараона было ожесточено Богом и рядом, что его же сердце было ожесточено им самим. Для Западного образа мышления здесь явное противоречие, ибо не лезет ни в какие логические ворота, а потому подобные «противоречия» многими не воспринимаются. Восточный же образ мышления не так узок. Просто надо взвесить оба противоречия и найти середину. Как в примере с фараоном. Фараон сам ожесточает свое сердце, а Бог лишь утверждает его в этом ожесточении. Примерно также и в Новом Завете говорится о Господе Иисусе. Джон Нокс очень близко подошел к пониманию этого, когда писал, что «нам ничего не известно в отдельности ни о человеческом, ни о Божественном естестве Христа, так как о нем написано вместе» (5). Возможно, Евангелие от Иоанна лучшее тому подтверждение. Наряду с возвышенным описанием Господа Иисуса как «Слова», которое было у Бога в начале, читаем, что Он «пришел к своим», к Своему народу, живущему на своей, данной им земле, но «свои» не приняли Его (Ин 1:10-12). Говорится, что с небес сошел «Сын Человеческий» (Ин 3:13; 6:62). Воистину, «Христос у Иоанна на самом деле человечней, чем о Нем написано где-нибудь еще в Новом Завете» (6). Так в Евангелии от Иоанна часто смело говорится о Господе Иисусе, как о «Человеке»: Ин 4:29; 5:12; 8:40; 9:11,24; 10:33; 11:47,50; 18:14,17,29; 19:5.

Человек с Западным образом мышления, читая Новый Завет, к сожалению, чужд Восточному, которому Богом была дана Библия, что возвращает нас к 381 году и указу Константинопольского Собора, на котором было постановлено, что «Троица» является единственно возможной верой истинного Христианства. Григорий Богослов (греч. Григорий Назианзин) произнес несколько проповедей в защиту «Троицы», оперируя двумя Библейскими понятиями для доказательства того, что, например, в Ин 11:34 Иисус воскресил Лазаря, благодаря Своему Божественному естеству, а плакал потому, что обладал и естеством человека (7). Григорий совершенно не понимал, что Евангелие было написано человеком, обладавшим Восточным образом мышления, Григорий же, вместо того, чтобы объединить две, противоречащие, по его мнению, друг другу мысли, фактически разделил Господа Иисуса надвое.

А потому для многих перевешивает «божественное» описание Иисуса, а потому они и думают, что Он должен быть Богом, а потому и выкручиваются, кто как может, чтобы объяснить Его чисто человеческие черты, философствуя о том, что Он только выглядел, как Человек, что боги входят в людей и тому подобное. Верующим во «множественность» Божества, просто неизвестно такое философское понятие, как «единство двух противоположностей», ибо они поступают с точностью наоборот. Впрочем, также необходимо заметить, что и неверующие в «Троицу» часто делают по похожую ошибку, хромая, правда, на совсем другую сторону. Для них более важно человеческое естество Иисуса Христа, а вот Его Божественной стороне естества они уделяют второстепенное значение, стараясь объяснить Божественное на человеческом уровне.

Похоже, что существовало последовательное и умышленное внедрение заблуждения в том, что если о ком-то и говорится, как о боге, то значит, он и есть Бог. И тому есть много примеров в статье [«Проявление Бога»](#). На Востоке принято видеть человека в его посланнике, вплоть до полной идентификации одного с другим. Великий равви Гиллель считал, что то, что написано о Боге, можно сравнить с тем, что говорят о тебе самом, ибо то, что говорят о тебе, совсем не обязательно значит, что ты такой и есть (8). Такое смутное сходство посла с тем, кем он был послан, трудно укладывается в Западной голове, а о разнице образов мышления, стоит хорошенько задуматься. На Востоке вполне обычно подменять что-то происходящее, или происходившее, именем одного человека, не вдаваясь в подробности, о чем идет речь. Так, установленный Моисеем шатер для встречи с Богом он «назвал его скинией собрания» (Исх 33:7). Так что за одним и тем же еврейским словом, скрывалось два различных понятия.

В блестящем, основанном на Библии изучении херувима, Иудейский ученый Умберто Кассуто обратил внимание на то, что иногда херувим на престоле Божиим становится *равным* самому престолу, «и, наконец, сама колесница становится равной престолу, которому уподобляются даже крылья херувима». Но вот, что важно в этом случае для нас, что Кассуто поясняет причину такой идентификации: «В мышлении древнего Востока граница между образом и самим предметом, образом которого он является, как и различия

между ними, становятся смутно различимы» (9). Эти-то смутно различимые отличия и становятся, на мой взгляд, причиной того, почему в Библии о Боге и Его Сыне говорится похожим языком, хотя в ней же очень ясно сказано и о различиях между Ними. Только под влиянием греческого и Европейского образа мыслей, которым свойственно четкое разделение и определение понятий, стали возникать трудности в понимании Библии, которая стала центром соприкосновения двух разных, Западного и Восточного, образа мыслей. А потому и возникло такое понятие как «Троица» - слабая и очень неудачная попытка разрешить проблему смутно различимых отличий.

Когда речь заходит о том, что Иисус был подобием Бога, возникают точно такие же трудности, ибо те, кто читает Библию и понимает ее всегда буквально, точно также не понимают слов, кто видел Сына, видел и Отца. Бельгийский теолог Хенрикус Ренкенс так сказал об этом: «На Востоке образ и сам предмет, образом которого он является, мало отличаются друг от друга, чем считаем мы. В Библии много примеров, где говорится, что образ бога, как правило, почитался за самого бога» (10). Однако образ бога, даже если это образ истинного Бога – Яхве, не одно и то же.

Всех этих и им подобных заблуждений можно избежать, если постараться читать Писания с учетом Восточного образа мышления. Мы уже говорили, что в Новом Завете встречаются широко распространенные для того времени понятия, которые также стали применять и по отношению к Господу Иисусу, а потому очень важно знать, откуда и как они появились. Было замечено, что много, появившихся во 2-м столетии не вдохновенных «Евангелий», таких как Евангелие от Фомы, Евангелие от евреев, Евангелие от эбионитов, Евангелие Петра, Протоевангелие от Иакова, все имеют одну отличительную черту – все они были написаны людьми с Западным образом мышления. Для всех их «не свойственно представлять Иисуса, ссылаясь на Ветхий Завет и мирские предания Израиля... например, об Иисусе (в этих «евангелиях»), как и о других людях, или событиях не говорится, как об исполнении Библейских пророчеств. В некоторых случаях они даже отрицают любую важность и ценность Писаний Израиля для понимания и познания Иисуса (например, «Евангелие от Фомы», 48) (11). Да и «Послание Варнавы», датируемое началом второго столетия, во всем обвиняет Иудеев.

Западному образу мышления свойственна точная строгость определений, когда же происходит переход к Восточному, которое было предпочтено Богом, мысли Которого несравнимы с нашими, можно впасть в заблуждение, если не отбросить свое привычное мышление, свои привычные представления и понятия. Древнееврейскому языку «для более точной передачи мысли не свойственны ни подробные описания, ни отступления, ни уточнения, для этого в нем существует метафора» (12). На мой взгляд, понятие «Троицы», вместо того, чтобы Христос, Его Сын являл Бога во всей полноте и в полном объеме, пытается умалить и ограничить Его.

Выводы

И в заключение: поскольку я считаю, что понятие «Троицы» появилось частью из-за искренних заблуждений, возникших в том числе и при чтении Библии, это все равно ничуть не извиняет полнейшего незнания основ слова Божия, единственного источника знаний как Самого Бога, так и Его Сына. Похоже, что «отцы» ранней церкви приложили немало усилий, чтобы подчистить все стихи Библии, которые не совпадали с их утверждениями, о чем мы неоднократно уже говорили. Так, комментируя Мих 5:2, место написанное на еврейском и греческом языках, Иаков Данн заключает: «Ни из одного места, написанного на еврейском языке, нельзя вывести мысли о существовании еще до рождения... (этой мысли) вообще не возникало до середины второго столетия, пока Юстин Философ не стал ссылаться на это место, как на пророчество о существовании Христа до Своего рождения» (13). Данн подробно и глубоко размышляет над этим примером того, как мысль о том, что Христос, будучи Богом, существовал до Своего рождения, была принята на веру «отцами» церкви, и как они начали подчищать Библию ради подтверждения своей веры. Печально, но это один из примеров, влекущий за собой далеко идущие последствия в Христианской вере. Такое представление о Боге, порой возникает потому, что многие люди верят в Него, а Библию берут в руки лишь для того, чтобы выдернуть из нее несколько слов в подтверждение своих верований, которые, как им кажется, говорят о «Троице».

Примечания

(1) See 'The Objections To Christianity' in my Bible Lives section 16-4.

(2) Adolf Deissmann gives very many examples of how the titles of Caesar used in the Imperial Cult were applied to Jesus- see his *Light From The Ancient East* (London: Hodder & Stoughton, 1927) pp. 342 ff.

(3) See F.E. Hulme, *Symbolism In Christian Art* (Blandford: Blandford Press, 1976) pp. 43 ff.

(4) R.H. Ward, *The Prodigal Son* (London: Gollancz, 1968) pp. 9,10. The same point is exemplified throughout J. Danielou, *Gospel Message And Hellenistic Culture: A History Of Early Christian Doctrine Before The Council Of Nicaea* (London: Darton, Longman and Todd, 1973).

(5) John Knox, *The Humanity And Divinity Of Christ* (Cambridge: C.U.P., 1967) p. 113.

(6) J. E. Davey, *The Jesus Of St. John* (London: Lutterworth, 1958) p. 89.

(7) Quoted in John McGuckin, *Saint Gregory Of Nazianzus: An Intellectual Biography* (New York: St. Vladimir's Seminary Press, 2001) p. 350.

(8) David Flusser, 'Hillel's Self-Awareness And Jesus', in *Judaism And The Origins Of Christianity* (Jerusalem: Magnes, 1988) pp. 509-514.

(9) Umberto Cassuto, *A Commentary On The Book Of Exodus* (Jerusalem: Magnes Press, 1997) p. 333.

(10) H. Renckens, *Israel's Concept of the Beginning: The Theology of Genesis 1-3* (New York: Herder & Herder, 1964) p. 119.

(11) Larry Hurtado, *Lord Jesus Christ* (Cambridge: Eerdmans, 2003) p. 484.

(12) J.B. Russell, *A History Of Heaven* (Princeton: Princeton University Press, 1997) p. 7.

(13) James Dunn, *Christology In The Making* (Philadelphia: Westminster Press, 1980) p. 71. A similar conclusion concerning Mic. 5:2 is to be found in J. Klausner, *The Messianic Idea In Israel* (New York: Macmillan, 1956) p. 77.

3. Привлекательность неестественности Иисуса

Думаю, что любое ложное понимание Библии, любое ложное учение основывается на какой-то уже существующей подоплеке, которая и служит, по сути, извинением для неверия слову Божию. Поверить, что Иисус из Назарета был Человеком, был безгрешен, умер и воскрес – действительно очень трудно. Вспоминаю долгий спор о естестве Господа Иисуса, длившийся много часов подряд, ночью на квартире Южного Лондона. Около 2 часов ночи, похоже, мы пришли к главному, что было высказано моим другом примерно так: «Если спросить меня, верю ли я, что человек может жить и не грешить, умереть и воскреснуть... я не поверю в это. Я просто не могу поверить. Скорее я поверю, что такой человек был Богом». Когда я шел домой по пустым, спящим улочкам, я был доволен тем, что, по крайней мере, теперь я понял, почему так много людей верят в «Троицу», что Иисус = Богу. Просто для этого не нужно много веры! Оказывается человеку гораздо труднее, чем думается, поверить тому, что просто написано в Библии. Поверить тому, что 2000 лет назад, в один из апрельских дней, в пятницу, на холме недалеко от Иерусалима умер совершенный Человек, пролежал в гробу три дня, воскрес, и скрылся в утреннем тумане на фоне огней, просыпающегося Иерусалима. А через 40 дней поднялся прямо в небо, был взят на небеса, на самое, что ни на есть небо... во все это нужно действительно поверить, поверить, что все это произошло, и произошло именно так, как написано. Гораздо проще не замечать, не обращать внимания на все эти трудности веры, думая, что Он действительно был Богом. Израиль в первом веке также споткнулся на человеческом естестве Христа: «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры? И соблазнялись о Нем» (Мк 6:3). По сути то же самое происходит и с верующими в «Троицу». Они просто не могут врубиться, что Иисус, Сын Божий, был совершенным Человеком, что Он действительно был Человеком, что у Него были обыкновенные братья и сестры, мать и родственники. А потому они и начинают выдумывать разные теории и теологии об Иисусе, чтобы хоть как-то объяснить и оправдать свое неверие в Его человеческое естество. Первые Христиане должно быть также столкнулись с тем же самым вопросом, как Человек мог совершить все это? Мог ли вообще человек творить такое? По силам ли это кому-нибудь из нас? А потому они и выбрали более легкий путь, решив, что Иисус не мог быть никем иным, кроме Бога. То же самое произошло и с тем, что в Библии об Иисусе говорится, как о нашем представителе, во что так же очень трудно поверить, а потому подавляющее большинство Христиан предпочли поглубже закопать эту мысль, подменив ее языческим понятием замещения. И все-таки Господь Иисус ставится всем нам в пример кротости, страдания и долготерпения, через которые всем нам нужно пройти, чтобы только потом быть прославленным. Общепринятое

же представление об Иисусе переставляет эту Библейскую формулу с ног на голову, меняя в ней последовательность, ибо у них Он уже прославлен на небесах до Своего воплощения, потом смиряется, чтобы снова в славе вернуться на небеса. Библия ясно говорит, что Господь Иисус прославился не просто так, а потому и мы вторим в наших сердцах: «Достоин Агнец **закланный** принять... честь и славу и благословение», - зная, что и нам предстоит пройти к славе похожим путем, пережив с кротостью точно такое же смирение, какое было пережито и Им.

Несмотря на то, что Иисус, очевидно, предпочитал называть Себя «Сыном Человеческим» ни разу не написано, чтобы Его ученики так обращались к Нему. Подобные неудобства по отношению к человеческому естеству Иисуса, нашло свое отражение во 2-м веке у еретика Христианина Валентина, который начал проповедовать, что Иисус ел и пил не как все, а «по-особенному, что в Нем все перерабатывалось» (1). Библия же, наоборот, говорит о том, что Он ел и пил, чтобы подчеркнуть Свое человеческое естество, что Он был такой же, как и мы! Точно такое же неудобство возникает и сегодня, когда речь заходит кем является на самом деле Иисус Христос, так как всегда возникает громкое негодование против любого перевода Библии, в котором об Иисусе говорится как о простом человеке простым человеческим языком (например, Andy Gauss, «The Unvarnished New Testament»), или когда Его показывают неприглядно в фильмах, что Он переживал и чувствовал то же и так же, как и мы. Человеческое желание больше верить Богу, а не человеку было видно и в Израиле, в отношении его к Моисею. Они жаловались на этого человека, на Моисея, «который вывел нас из земли Египетской», а потому и сотворили золотого тельца, говоря, «вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской!» (Исх 32:1,4; евр. современный перевод). Заодно заметьте, как они, сотворив одного тельца, стали поклоняться *нескольким богам*. Ини прельстились «Троицей» веками позже, не умея вместить в себя, что их Спасителем мог стать такой же Человек, как и они, сделав из Него бога, уже существовавшего среди других богов, например, в золотом тельце. Сутью всего Христианства должно быть поклонение, основанное на поклонении Того, Кто стоит за Господом Иисусом, как и на Самом Иисусе, вокруг Которого все время должны вращаться наши мысли. Каждый раз, когда перед нами возникает вопрос, что делать, как поступить в том или ином случае, нам нужно спрашивать, а как бы поступил Иисус на нашем месте? А это трудно. Почти невозможно думать о явленном нам в Евангелиях Иисусе каждый день с утра до вечера. Мы все склонны мысленно блуждать в более абстрактных, не таких близких нам и приземленных сферах. То же самое пережила и ныне существующая церковь, уйдя от простоты человечности Евангельского Христа Иисуса, пустившись в размышления о Его предыдущей жизни на небесах. И это заметно в толкованиях существующего Христианства, которое стало все более и более

аллегорическим, все больше иносказательным. Верить в настоящего, живого Иисуса, верить в то, что Бог творит чудеса и в жизни человеческой, очень и очень трудно, а потому легче было переместить такую веру в абстрактную область. Так в Новом Завете переход через Чермное море и последующая жизнь Израиля в пустыне, описывается как то, что было на самом деле, но стало образами для нас дел во Христе (1Кор 10:1-4; Евр 3 и т.д.) Однако во втором столетии все это перестало читаться и пониматься буквально, а только иносказательно. То, что все это происходило на самом деле, перестало иметь существенное значение, главным стала аллегория (2). Ну, а вместе с абстрагированием всего Христианства стало нарастать и абстрагирование Христа. Уже в третьем столетии Ориген начал настаивать, что исторические и литературные части Библии надо читать и понимать исключительно иносказательно, и на этом основании объяснял, почему о Господе Иисусе в Евангелии говорится больше не как о Божестве, а как о Человеке (3). Таким образом, как всегда, одна ложь в отношении к слову Божию, повлекла за собой целую вереницу других.

Примечания

(1) As quoted in Larry Hurtado, *Lord Jesus Christ* (Cambridge: Eerdmans, 2003) p. 528.

(2) Подобное изменение языка богословия подробно описывают Martin Mulder & Harry Sysling, eds., *Mikra: Text, Translation, Reading And Interpretation Of The Hebrew Bible In Ancient Judaism And Early Christianity* (Assen: Van Gorcum, 1988) pp. 727-787.

(3) As quoted in Henry Chadwick, *The Church In Ancient Society* (Oxford: O.U.P., 2001) p. 135.

4. Иудейское влияние на «Троицу»

Истинный верующий Христианин всегда находился под влиянием мира сего. Павел дал совет, годящийся на все времена, стараться не сообщаться с этим миром, а давать возможность Христу изменять нас. Принятие «Троицы» было результатом влияний мира на церковь. В окружении Римских и Иудейских представлений о мире, Христианская церковь переняла от них обожествление людей. Если какого-то человека начинали считать героем, то и говорить о нем начинали возвышенно, прославляя его, для чего у греков есть особое слово – апофеоз. Именно поэтому некоторые раввинские комментаторы, говоря о Моисее и Илии, говорят о них, как о Боге, хотя у них, верующих в одного единственного Бога, и в мыслях не было приравнивать их Ему. В Греции же и на Западе, Библию, написанную на еврейском языке самими евреями, оперирующими восточными понятиями и мыслями, стали читать и понимать без учета этого.

И тому существует много доказательств, начиная с Нового Завета, где уже о Христе говорится, как о Боге. Так же было отмечено, что некоторые места, возвышающие Иудеями Моисея, как например, «им создано все - все в мире создано им и для него», намеренно Павлом применялись по отношению к Иисусу (1). Точно так же, при прославлении, говорилось, что они существовали еще до своего рождения, хотя всем было ясно, что это было всего лишь преувеличение. О них «писали, как о вечно живущих, и это никого не сбивало с толку» (2). Когда же подавляющее число Христиан стало негативно относиться к евреям, и Христиане-иудеи стали изгоняться из церквей, или сами возвращались в синагоги, стало забываться и человеческое происхождение Иисуса. То, что Иисус был прославляем на основе еврейского языка, на основе Восточного мышления, тоже перестало замечаться. Всё стало пониматься буквально, а потому и Христос для многих стал превращаться в Самого Бога (ведь именно так о Нем написано!) Так было легче – думать и понимать, как думал и понимал весь окружающий их мир, понимая и видя все исключительно буквально, не выискивая действительного значения, заключенного в словах. Мало что изменилось с тех пор. Большинство Христиан остаются сознательными невеждами в основных понятиях «явления Божия», множество примеров чего можно найти при желании и в Писаниях, в которых о человеке часто говорится как о Боге, хотя и не приравнивая его к Нему.

Винсент Тейлор, анализируя гимн хвалы Павла, посвященный Господу Иисусу в Флп 2:6-11, пришел к выводу, что это адаптация Иудейского гимна, воспевающего «явление человека с небес на земле» (3). Писавший по вдохновению Павел, намеренно использовал Иудейский гимн, применив его к Иисусу, тем самым подчеркнув, какое

положение Он занимает, и как к Нему нужно относиться. Еще одно поэтическое описание в Кол 1:15-20 также неверно понимается, а потому и используется в доказательство ложного представления существования Господа до Своего рождения, а ведь и это был Иудейский гимн, слова из которого Павел применил для прославления Господа Иисуса (4). Не стоит забывать, что Павел писал по Божиему вдохновению, отвечая на нападки лжеучителей, употребляя против них их же слова, выражения и понятия. В Послании к Евреям, почти во всех случаях, Христос называется также, как Он называется в книге Премудрости, или Филоном Александрийским (5). Писавший Послание к Евреям, старался донести до читателей, что Господа Иисуса именно так нужно и можно называть, но не нужно понимать так, как это понимается многими людьми. Так, например, Филон Александрийский, говоря о Господе Иисусе, говорит и о «запечатлении печатью Божией» (как в Послании к Евреям), что Он – образ ипостаси тем самым приравнивая Иисуса к Богу. Впрочем, ни Филон, ни Послание, называя Иисуса так, не утверждали их равенство, сама мысль о том, что Иисус и есть Бог, возникла из неправильного толкования Послания. И такое встречается в Библии гораздо чаще, чем мы думаем, когда уже существовавшие правильные богословские представления переключивались на другие понятия, особенно на Господа Иисуса, но уже в испорченном виде. Артур Гибсон замечает, что «в религиозной литературе существует очень важное повторение, когда после уже сказанного ранее, это сказанное либо уточняется, либо критикуется, либо является предметом размышлений» (6). Он даже показывает, что сами имена «Яхве» и «Эль», намекали на других богов, которым поклонялись окружающие их народы. И всегда, когда бы ни говорилось о них, подразумевалось, что у Израиля был один, единственный Бог, Яхве, Эль Израильский, и если они и говорили о Яхве и Эле, то имели в виду исключительно только Его.

Обличение противоречий Иудейской мифологии

В моем изучении исторического развития общепринятого в Христианстве понятия «сатаны», я обнаружил, что Иудейская мифология тоже оказала значительное влияние на первых Христиан и в этом вопросе, когда оно и здесь начало удаляться от Библии (7). То же самое можно сказать и о возникновении учения о «Троице». В Иудейской апокрифической «Книге Еноха» ([48:2-6; 62:6,7]) о Сыне человеческом говорится так, как будто Он существовал и раньше. Мысль о существовании человека до его рождения была присуща Самаритянам, веровавшим, что Моисей жил и прежде (8). Само же представление о жизни человека до своего рождения было перенято Иудеями у персов,

находившихся у них плену. Христиане верили, что Иисус был пророком гораздо большим Моисея, что Он, будучи «Сыном Человеческим», должен был и думать как человек, а потому, чтобы уравновесить два противоположных друг другу мнения и решили, что Иисус существовал до Своего рождения, совершенно наплевав на основное учение Библии. Павел часто ссыался на подобные Иудейские мысли, которые были ему хорошо известны, чтобы либо опровергнуть, либо подправить их. Так, когда он сравнивает Иисуса с Адамом, говоря, что «первый человек - из земли, перстный; второй человек - Господь с неба» (1 Кор 15:45-47), он подразумевает мысль Филона, утверждавшего, что существовало два Адама, один – земной, другой – небесный. В одном же из свитков библиотеки Наг-Хаммади, «О происхождении мира», пишется: «Первый Адам Света – пневматик... Второй Адам – психик» (9). Павел говорит о том, что «второй Адам» - это превознесенный надо всеми Господь Иисус, пребывающий на небесах, и что Он не существовал раньше. Первый Адам был «образ будущего» (Рим 5:14), через него грех вошел в мир, через Христа же пришло спасение. Павел брал ложные представления, исправляя их, именно поэтому иногда сказанное им можно понять, как будто он намекает на предвечное существование. Если же посмотреть на то, о чем он писал, то становится понятным, что у него даже в мыслях этого не было. Все, что он хотел - защитить истину от мифологии, пользуясь той же самой мифологией.

Естественное человеческое желание умалить свои собственные грехи, перевалив их на плечи кого-нибудь другого, привело Иудаизм к ложным толкованиям греха Адама, которое закончилось тем, что Адам стал называться «человеком с неба» и вере, что он жил раньше и воплотился в Мессии. Великий Иудейский философ Филон Александрийский популяризировал это мнение. Я уже писал в «Настоящем диаволе», как ложные представления Иудаизма были частично виновны в принятии Христианством такого понятия как «диавол». То же самое объясняет и как первые Христиане извратили свое понимание Мессии-Иисуса. Филон, на основании Быт 1:27 и Быт 2:2, утверждал, что было сотворено два Адама, и Павлу подобные измышления были хорошо знакомы, а потому он писал о «первом Адаме», о котором и написано в Библии, и что «последним, или вторым Адамом» можно называть исключительно Господа Иисуса Христа, да и то, только после Его воскресения. Мартин Хенгель полагает, что Христиане пытались объяснить Иудейские представления о вечном существовании Торы, Премудрости и Слова, прибавив сюда и предвечное существование Иисуса (10). А это говорит о том, что Христиане просто старались адаптировать своего Иисуса в окружавшем их мире не простой верой в Библейского Христа, а стремясь сделать свои верования в глазах противников более привлекательными. По их стопам пошли многие. Отвечая Цельсу на его критику Христианства, Ориген писал, как появились неверные представления об Иисусе в ответ на нападки на Христианство. Цельс

утверждал, что Христиане, поклоняясь Иисусу, делают из Него Бога («Против Цельса», 8.12). Вместо того, чтобы ответить на такие нападки, что поклонение Иисусу совсем не означает, что Он является Богом, Ориген стал утверждать, что именно Иисус и является *настоящим и единственным* Богом.

Ч. Г. Додд в 3 главе своей классической «Интерпретации Четвертого Евангелия» приводит достаточно веские основания считать, что Евангелие от Иоанна частично было написано в ответ на популярное в первом столетии учение Филона, а потому-то в нем так много ссылок на его работы. Так Иоанн пишет, насколько тщетны были поиски Иудеев, где бы в Писаниях говорилось, что через них они имеют жизнь вечную (Ин 5:39), а это проповедовал как раз Филон. И это помогает понять нам, почему, например, в начале Евангелия так много уделено внимания Иудейским представлениям о «Слове». Почему написанное Иоанном так непонятно нам, не потому ли что его Богом вдохновенные слова в первую очередь адресовались к его современникам, среди которых были и приверженцы учений Филона о «Слове»? Филон утверждал, что у Бога было два сына: младшего Он послал в мир, а старший, «Слово», оставался «у Него». Именно поэтому Иоанн в начале Евангелия доказывает, что «Слово» абстрактное понятие, посланное Богом в этот мир в образе единокровного Сына Божия, Господа Иисуса. Додд показывает, как часто Иоанн ссылается на Филона. Например, Филон отрицал любую возможность духовного перерождения, тогда как Иоанн (Ин 3:3-5) утверждал необходимость и возможность перерождения во Христе. Самая суть абстракционизма Филона становится под вопрос, когда Иоанн утверждает, что «Слово» стало плотью, реально существующей, видимой и осязаемой плотью Господа Иисуса. Филон утверждал, что «Слово» было Ангелом, тогда как Иоанн не соглашался с этим, заявляя, что «Слово» было настоящим Человеком. Христиане, утверждавшие, что Иисус был Ангелом (как нынешние Свидетели Иеговы, верящие, что Он был одним из ветхозаветных Ангелов), должны бы прислушаться к Иоанну, и изменить мнение Филона о Нем. В 11 главе той же книги Додд упоминает также о противостоянии Иудейского монотеизма многобожию греческой мифологии, рассказывая о примирении двух противоположностей, чем-то одним общим. Так Гермес и Аполлон стали сыновьями Зевса, которые, как считалось, проистекли от одного Бога. И это очень важно, когда начинаешь задумываться о происхождении понятия «Троицы», ибо главное в ней то, что все боги происходят из одного, единственного Бога.

Самаритяне

Хотелось бы поделиться одной, как мне кажется, важной теорией, которая объясняет, как Иудейские понятия повлияли на Христианские заблуждения об Иисусе. Думаю, что на представления об Иисусе оказали влияние Самаритянские Христиане, на веру которых, еще до их обращения в Христианство, оказало сильное влияние язычество. Послание к Евреям написано и как опровержение неверных представлений о Господе Иисусе, а, как уже было замечено выше, написанное в Евр 1 явно совпадает с только начинающим тогда появляться гностицизмом и с его представлениями о вечно живущем боге искупителе, представлении, которое развенчивается в Послании. Об этом мною больше написано в «Божественности Иисуса». Думаю, что Послание к Евреям было написано в первую очередь для Самаритянских Христиан. Начать с того, что Самаритяне начали называть себя «евреями», что Иудеям было не свойственно (11). В Послании к Евреям больше говорится о скинии, чем о Иерусалимском храме, существование которого не признавалось Самаритянами. Список верных в Евр 11 состоит исключительно из тех, о ком говорится в Пятикнижии и Иисусе Навине, в книгах, признаваемых Самаритянами из всего Ветхого Завета. Юстин («Первая апология», 26) и Ириней («Против ересей», 1.23.1-4) в один голос утверждали, что первыми гностиками были Самаритяне. Иоанн Макдональд в своем подробном труде «Теология Самаритян», доказывает, что Самаритяне на самом деле верили в двух богов, один из которых назывался «Истинным», а другой – «Слава» (12). Они утверждали, что два рассказа в Бытии о сотворении мира, как раз и были рассказаны о сотворении «истины» и «славы», и что Моисей, увидев их в Исх 34, назвал их «Яхве». И все же самаритяне считали себя монотеистами, оправдываясь точно так же, как оправдываются сегодня верящие в Троицу, что один бог был в другом, а потому и богов не было двое, а только один (13). Так что, полагаю, что эти верующие еврейские Христиане вернулись к своим первоначальным верованиям в воплотившегося в Боге Иисуса, а потому для них в первую очередь и предназначалось Послание к Евреям. Также примечательно, что в Евангелии от Иоанна также уделяется внимание самаритянам, а в 1-м Послании Иоанна много ссылок на Быт 1 и Исх 34, где два места из книг (как уже отмечалось выше) были основанием для их веры в двоебожие. Возможно, также стоит заметить, что Павел, говоря о лжеапостолах в Коринфе, говорил о них не как об «Иудеях», а как о «Евреях» (2Кор 11:22). Также археологами были найдены в Коринфе «еврейские синагоги», т.е. синагоги самаритян (14). Гарри Виттакер и я порознь провели два изучения о существовании в первом веке «Заговора Иудеев» против трудов, написанных Павлом, которые могут быть немного полезны, если помнить при этом и о самаритянах.

Главное же состоит в том, что Павел и Апостолы, писавший Новый Завет, были настроены против мысли, что Иисус = Богу. Майкл Дуглас Гоулдер сделал следующий вывод: «Есть веские доказательства того, что эти «еврейские» миссионеры несли новые учения в... церкви...

утверждая, что Иисус, будучи Богом, стал Человеком, тем самым прославив и обесчеловечив Свою земную жизнь (16). Апостолы, встречаясь с такими идеями, боролись с гностицизмом и самаритянскими измышлениями, на которых все и стояло, как стоят и поныне многие места, цитируемые верующими в Троицу, веры, которая противоречит всему учению Библии. Я уже говорил, что такие места как Ин 1 и Евр 1, на самом деле подчеркивают, что Иисус не Бог, соравный Отцу, и что в них просто много ссылок на популярные в то время понятия и писания, которые бездумно повторяли написанное в Библии, для подтверждения предвзятого мнения о «Троице».

Иудейские представления об Ангелах

На раннее Христианство и его представления о Самом Иисусе Христе, повлияло, как и на его представления о диаволе, Иудейские понятия об Ангелах. Подробно об этом написано в Евр 1 и Кол 2, где упор делается на то, что Иисус не был Ангелом (о чем следовало бы поразмышлять членам организации «Сторожевой башни»). Иудейское «Свидетельство Даниила» 6.1 призывает Израиль «приблизиться к Богу и к ангелу, ходатайствующему за вас, посреднику между Богом и человеком». Подразумеваются слова Павла в 1Тим 2:5, где он подчеркивает, что у нас «один и посредник между Богом и людьми, Человек Христос Иисус». Видно, что Павел оспаривает Иудейское мнение об ангелах, как и в Евр 2 еще раз подтверждается, что Иисус был Человеком, и что посредник между Богом и людьми не Ангел, а Он, Иисус Христос. В еврейской книге Аггада (3 Enoch 10-14; или «The Hebrew Book Of Enoch») упоминается ангел по имени «Метатрон», «Ангел лица Божия», «меньший Яхве», являвшийся в образе Яхве Моисею в Исх 23:21, восседающий на «престоле славы» и т.д. Похоже, что первые Иудейские Христиане думали, что то же самое можно сказать и об Иисусе, что и стало причиной отождествления Иисуса с Ангелом, которое потом перешло и в учение о Троице. Жан Даниэлу посвятил целую четвертую главу в его обзоре возникновения и развития Христианства и как Иудейские взгляды на Ангелов привели к «Троице» (17). Павел никогда твердо не говорил, что нельзя во всем верить Иудеям, он просто знал, что возникновение любого отступничества начинается с примеси лжи к истине. Павел действительно говорит о превознесении Иисуса, что теперь Он посажен одесную Бога (Рим 8:34), и что Ему Богом было дано имя превыше всех имен, как и Ангелу (Флп 2:9-11), но главное, о чем он хотел сказать, что, несмотря на существование общего с Иудейскими преданиями, Иисус не был Ангелом. Иисус «родился от жены», или произошел от женщины (Гал 4:4), был единокровным (единственным) Сыном Божиим и был превознесен выше любого Ангела. Сравнение

Иисуса с Ангелом в Евр 1:3-6 явно намекает на мифическое сравнение Иисуса с Метатроном, разрушая его до полного основания. Ибо только об Иисусе говорится следующее: «Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси (сущности) Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную престола величия на высоте, будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя. Ибо кому когда из Ангелов сказал [Бог]: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя? И еще: Я буду Ему Отцем, и Он будет Мне Сыном? Также, когда вводит Первородного во вселенную, говорит: и да поклонятся Ему все Ангелы Божии».

Джеймс Данн, цитирует Тертуллиана, Юстина, Епифания Саламского и Климента так, как будто все они верили, что Господь Иисус был Ангелом: «итак, и Иудейские Христиане второго и третьего веков тоже настаивали на том, что Христос был ангелом, или же архангелом... Юстин считал, что ангелом Яхве, возможно, был уже тогда существовавший Христос» (18). Это была Иудейская навязчивая идея об Ангелах. Им хотелось думать, что Иисус уже существовал до Своего рождения, а потому и не был Человеком. Именно поэтому в Новом Завете неоднократно подчеркивается, что Господь не был Ангелом потому, что был Человеком, а потому и был превознесен выше Ангелов (1Пет 1:12; 3:22; Флп 2:9-11; Кол 1:16; 2:8-10; Евр 1; Откр 5:11-14). То же самое относится и к Мелхиседеку, которого многие также считают Архангелом. Однако в Послании к Евреям о Мелхиседеке говорится не как об Ангеле, а как о человеке. Он был предтечей Христа, а не Самим Христом. Похоже, что написанное о Мелхиседеке в Послании к Евреям как об Ангеле, было написано в ответ на бытующие представления, что и Мелхиседек был Ангелом, а значит и Мессией. Печально, но и сегодня многие верующие в Троицу Христиане заблуждаются точно также, как и Иудеи, утверждая, что Мелхиседек на самом деле был Самим Иисусом. Более подробно мы рассмотрим это в разделах 1-13. У Иудеев, оставивших Кумранские свитки, были свои навязчивые представления об Ангелах. Например, они считали, что Мессия до Своего рождения в образе Человека, существовал как Архангел Гавриил. Если помнить об этом, тогда возвешение Гавриила о зачатии и рождении Иисуса было написано специально для того, чтобы показать, что Гавриил и Иисус не одно и то же лицо (Мф 1:20,24; 2:13,19; Лк 1:11,19,26-38; 2:9).

Иудеи верили, что «шхина, или шехина», видимый свет славы Божией, был неотделим от скинии собрания и был живым светом, связанным с Мессией. Во 2Кор 3:17,18 Павел оспаривает эту мысль, утверждая, что «шхина, или шехина», видимая в Моисее, была всего лишь «увядающей» тенью Ветхого Завета настоящей и истинной славы во Христе. Так Павел опровергает общепринятое представление Иудеев, что Господь Иисус был «шехиной», ибо Он во всем превосходил ее. Да и Сам Господь очень часто говорил, что Его прославление заключается в Его воскресении и вознесении. Он стал «Господом славы» после мук и

страданий, после прославления в воскресении и восшествия на небо. Если Господь уже был прославлен до Своего рождения, жизни и смерти, тогда суть и значение воскресения Иисуса теряют всякий смысл, а мысль о страданиях и последующем прославлении, как нашем примере, которому мы должны следовать, вообще становится абсурдной. Однако, именно на этом неоднократно настаивает вдохновенный Павел! К тому же заодно обратите внимание на то, что, говоря о «шехине», об облаке, в котором находился Ангел, Павел говорит, что оно состояло из воды, когда образно сравнивает крещение всего Израиля: «все крестились в Моисея в облаке (состоящем из воды) и в море» (1Кор 10:2). Так что прообразом Христа было не облако («шехина»), а Христос. Однако Юстин Мученик и многие другие, берут в руки Библию, чтобы найти в Писаниях, по их мнению, места, оправдывающие их вероисповедание «Троицы», утверждая, что это облако было Ангелом, или же Иисусом. В первой главе Послания к Евреям сказано, что Бог многократно говорил в Ветхом Завете не через Своего Сына, а через Ангелов и пророков. Только так, в человеческом облике начал Иисус Свое служение. Одно это должно было бы любые попытки отождествления Господа Иисуса с ветхозаветным Ангелом.

Можно удивляться, почему Иоанн проклинал тех, кто не исповедовал Христа «пришедшего во плоти» (2Ин 1:7-9). Я думаю, что обращенным Иоанном во Христа, приходилось сталкиваться с Иудеями, пытающимися представить Иисуса в соответствии с Иудейскими еретическими преданиями об Ангелах, против чего были написаны и Послания к Евреям и к Колоссянам. В полном соответствии с Иудейскими представлениями об Ангелах, Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» говорит, что Ангелы, явившиеся Аврааму, лишь делали перед ним вид, что едят. Филон утверждал, что «несмотря на то, что они не едят и не пьют, они выглядят так, как будто и пьют и едят» («Авраам» 118). В Библии же просто говорится, что они едят, как и о том, что и Иисус ел после Своего воскресения. Иоанн подчеркивает, что Господа Иисуса можно было видеть и потрогать (1Ин 1:1-4), как и то, что Он действительно умер (1Ин 1:7; 2:2; 4:10; 5:6-9). Да и Сам Он настаивал, что именно в этом и заключалась вера «от начала», что говорит о том, что новые мысли о естестве Иисуса уже бродили среди людей. Для Иоанна же, как и для меня, очень важно кем по природе был и есть *настоящий* Иисус Христос. Ради этого и написана эта книга. Богом вдохновенный Апостол не просто так жестко боролся с новыми поветриями в вере.

Иудаизм и «Слово»

Было обнаружено много общего между Ин 1:1-3 и тем, что Иудеи писали о премудрости. Иудеи верили, что существует несколько посредников между Богом и Израилем, ходатайствующих за него, среди которых были Премудрость, Слава (шехина) и Слово (логос). Тора стала настолько возвеличена и одушевлена, что о ней стали говорить почти как о Самом Боге (19). Иоанн и Павел пользовались такими же словами, но в их истинном значении. Иисус – слава Божия, только Он один является истинным Ходатаем между Богом и человеком (1Тим 2:5). Подчеркивая, что посредником был «человек Христос Иисус», Павел заодно наносит сильный удар по греческим верованиям в то, что посредниками между этим миром и Создателем его, существует сверх существо, иногда называемое «вторым Богом». И, когда речь заходит о «Слове», Иоанн сразу же поясняет, что всё слово Божие в Ветхом Завете, в конечном итоге, сводится к Иисусу, и что само «слово» стало плотью, или же Иисусом, явив себя «Словом» Божиим и в жизни и в смерти. Наше понимание этого помогает понять, почему Иоанн, когда говорит о «слове», говорит таким возвышенным, «божественным» языком. Ибо поступая так, он тем самым подразумевал Иудейское заблуждение, являя действительную истину во Христе Иисусе.

Влияние Иудаизма на представление о существовании до рождения

Ложные представления о существовании Господа Иисуса до Своего рождения, а потом каким-то образом воплотившегося, были частью языческих верований, ставших общепринятыми в те времена среди Иудаизма и о Христе. На самом деле признаки «Троицы» появились благодаря Юстину и другим «отцам церкви», начавшим утверждать, что Иисус уже существовал до Своего рождения, хотя в начале и не признавая Его соравенства с Богом Отцом. Некоторые из верующих Кумрана, ставшие впоследствии одними из ранних Христиан, верили, что «Наставник Праведности» существовал прежде пророком и должен воплотиться в одного из них. Именно поэтому они верили, что Мессия прежде воплощался в Моисея, Илию и других пророков, что видно из Мф 16:14-18, где Иисус спрашивает Своих учеников, за кого Его принимают люди, и в ответ слышит ходящие в народе слухи о Нем, что Он, Иисус из Назарета, либо Илия, либо Иеремия, либо один из пророков. И это было точь-в-точь бытовавшее в Иудаизме первого столетия мнение об их Мессии (20). Так что толпа точно думала, что Иисус был Мессией, но Мессией таким, каким она Его себе представляла. И очень важно в данном случае исповедание Петра Его Мессией, не таким, как Его представляли себе Иудеи воплощенным уже прежде существовавшим пророком, а обыкновенно родившимся

Сыном Божиим. Заодно обратите внимание на то, что вера в жизнь Иисуса до Своего рождения тесно связана с верой в языческий миф о неоднократном перевоплощении, ибо как, к примеру, Иисус мог существовать в ветхозаветные времена, если Ему надлежало воплотиться во чреве Марии?

То, что Петр не верил в это, веря, что Иисус является Сыном Божиим, сильно радовало Господа, а потому нужно укреплять и нашу веру в то, что Он не воплотился вновь каким-то чудом в чреве Марии, а был рожденным ею Сыном Божиим. Иисус, хорошо помнивший Свое детство, проведенное с Марией, также хорошо знал, что Он не существовал до Своего рождения. Нам всем также очень хорошо знакомо то огорчение, какое испытываешь, когда слышишь от других лживые домыслы, выдуманные о нас и о нашем происхождении, утверждающих, что этот вымысел истинная правда! Это не значит, что мы тут же разрываем всякие отношения с такими людьми... но я все-таки полностью уверен, что наше верное представление об Иисусе, радует Его и сближает нас с Ним еще больше. Так я думаю о статье, под названием, «Важно ли неверие в предвечное существование Иисуса?» Я не могу сказать о Его окончательном решении на Суде, хотя и знаю, что многие ныне говорящие «Господи, Господи», поймут в последний день, что они никогда не знали Его, как и Он их (Мф 7:22,23). Единственно, что хочу сказать, что наше верное понимание естества нашего Господа во всех отношениях обогащает наше отношение с Ним, а что еще лучше всего может побуждать нас каждый день следовать за Ним?!

Из Деяний 8 нам известно, что Самаритяне составили внушительную часть в сообществе ранних Христиан, и все же всех обращенных по разным причинам и в разное время тянуло обратно в прежнюю веру. Самаритяне тоже верили в то, что Мессия должен быть вновь воплотившимся пророком, главным образом, Моисеем (Ин 4:19,25). Именно поэтому, кажется, что представление о существовании Мессии-Христа до Своего рождения, скорее всего, появилось под влиянием первых обращенных Иудеев и Самаритян. Ведь они верили в это еще до прихода к Христу, а потому им было гораздо легче принять то, во что они уже верили, чем в то, что неграмотная Иудейская девушка по имени Мариама из глухой Галилейской деревушки зачала и родила младенца от Бога Вседержителя. О воплощении в Иисусе Моисея, Илии и т.д. говорится лишь в невдохновленных апокрифических писаниях, таких как «Проповедь Петра» и «Евангелие евреям». Совершенно ясно, что понятие о воплощении, или перевоплощении Иисуса пришло из язычества и иудеев-отщепенцев. Если Иисус существовал до Своего рождения миллионы лет, как бог, то то, что Он был Человеком, теряет всякий смысл. Одно то, что Он был «рожден» (Мф 1:16,20), как и все прочие в Его родословии, говорит, что Он не мог существовать до этого. Если Господь Иисус жил до Своего рождения, будучи богом, тогда всё, что Он говорил и как Он жил, было заведомой ложью. О вере в

предвечное существование Иисуса ничего и нигде не говорится, вплоть до писаний Юстина Мученика, появившихся во втором столетии, именно он начал развивать эту мысль в «Диалоге с Трифоном». То, что написано в Библии о зачатии и рождении Господа, просто-напросто противоречит представлениям о Его предвечном существовании. И эти противоречия толкают верующих в Троицу верить и утверждать вообще невозможное. Взять хотя бы Кеннета Веста, известного евангелиста и верующего в «Троицу»: «Иисус произошел от Вечного Отца, родившись от Него, как Сын Божий рождением, которого не было, ибо Он был всегда» (21). [Православные тоже верят, что Иисус Христос рождается всегда так же, как свет исходит от солнца - прим. переводчика]. Это бессмысленное словоблудие, необходимое лишь для того, чтобы многословием оправдать веру в «Троицу», поправ веру слову Божию. И Вест излагает такие немыслимые вещи в книге, под названием «Великие жизненные истины»! Никто не сможет с такими «истинами» одержать в жизни хотя бы одну духовную победу.

Снова и снова при чтении Библии нужно напоминать самим себе, что она была написана очень давно, а потому и делать поправки на то, что многие слова, выражения и понятия со временем изменили свое значение. Когда мы читаем о предвечном существовании чего-либо на небе, то нужно представлять себе, что и как думал Иудей, читая подобное. «Когда Иудей хотел сказать о предопределении чего-либо, он говорил об этом, как уже о «существующем» на небесах» (22). Именно так говорится в Иудейских писаниях того времени о Моисее, и особенно в «Завете Моисея», Торе и т.д. «Если в религии о чем-то говорится как о существующем вечно, то только потому, что это понятие очень важно для верующих. Именно так раввинские богословы говорят о законе, о престоле и славе Божией, об Израиле... как о том, что уже существовало (у Бога) еще до сотворения мира. То же самое можно сказать и о Мессии... в «Песикта Раббати, 152b» говорится, что «царь Мессия был рожден до начала сотворения мира, ибо Бог думал о нем прежде сотворения мира сего». Это значит, что целую вечность Бог желал появления Мессии, чтобы совершить спасение Божие» (23). Чтобы понять Новый Завет, нам нужно научиться думать и читать его не с западным образом мышления, а также, как думали писавшие его. И в этом состоит главный недостаток поклонников «Троицы», ибо они не смогли и не могут читать и понимать мысли писавших Библию. Так, например, читая, что Иисус был «у» Бога, мыслящий по-западному представляет Его буквально находящегося у Него. И здесь стоит обратить внимание на то, что предлог «у» означает не только «у, при, возле, около», но и «со стороны, по отношению, к, по направлению к, в, на», в смысле смежности или близости. И не только в Новом, но и в Ветхом Завете. Так Иов говорит о том, что Бог исполнит положенное ему, чего много «у Него» (Иов 23:14). Так и о Давиде говорится, что «у» него было на сердце построить храм Господу Богу (3Цар 8:17; 2Пар 6:7), и таких примеров очень много: Числ 14:24; 3Цар 11:11; 1Пар 28:12; Иов 10:13; 15:9; 23:10;

27:11; Пс 49:11; 72:23. Нежелание читать Библию с учетом ее иудейской подоплекой ведет к непониманию ее содержания, и порождают другие, отличные от Библейских понятия.

Сама идея о человеке, который равен Богу и существовал до своего рождения, является порождением греческого, или западного мышления. Мышление восточное, или иудейское, устроено иначе. «Когда иудей (еврей) говорит о «предопределении» чего-то, то он имеет в виду, что это что-то уж существовало в мыслях высших сил... и это типичное для иудеев мышление о предопределении нужно отличать от греческого мышления, в котором предопределение почти одно и то же, что и «предвечное» существование» (24). Именно об этом написано в Ин 1:1-3, что «Слово» существовало в мыслях Бога. Примечательно, что и само понятие «откровение» подразумевает это иудейское понятие предопределения, ибо то, что предопределено уже существует на небесах для того, чтобы быть явлено, открыто в определенное время. И в этом смысле верующий в воскресение получит то, что было уготовано ему на небесах (2Кор 5:1; Кол 1:5; Мф 25:34). Поэтом в еврейском языке о будущем часто говорится в прошедшем времени (например, Ис 5:13; 9:2,6,12; 10:28; 28:16; 34:2; ср Деян 7:5 с Быт 15:18). Таким образом, сотворенное когда-то, существует ныне (Откр 4:11), а потому и слава, которую Господь Иисус имел от начала («прежде бытия мира») у Бога (Ин 17:5) совсем не означает, что Он уже прославлялся «прежде бытия мира». Он не молил вернуть Ему прежнюю славу, как утверждают верующие в «Троицу», Он умолял прославить Его так, как Он уже был прославлен в помыслах Божиих. Примечательно, что греческое слово «πρὸ ἰταρχω», переводимое как «прежде», ни разу не встречается рядом с Господом Иисусом.

Представления Иудеев об Адаме

В первом столетии среди Иудеев бытовало мнение, что Адам должен перевоплотиться в Мессию. Упоминания Павла об Адаме и Христе в Рим 5:12-21 и 1Кор 15:45-47 осторожно развенчивают такое представление. Павел подчеркивает, что различие между Адамом и Христом состоит в том, что Иисус Христос во всем превосходит Адама уже потому, что, несмотря на то, что оба были сынами человеческими, Христос сделал то, что не смог сделать Адам. Уже одним этим Павел отмечает мысль о предвечном существовании Иисуса как Адама или кого-то еще. Павел упоминает все эти Иудейские измышления лишь для того, чтобы подчеркнуть человечество Господа Иисуса. Панегирик из Флп 2:6-11 буквально построен на сходствах и различиях Адама и Иисуса, ибо в отличии от Адама, Иисус даже не мог подумать, быть равным Богу

(Быт 3:5). Испытание в пустыне также написано для того, чтобы подчеркнуть разницу между Адамом и Иисусом, оба были искушены, но Адам вкусил искушения и смерти, Иисус же нет; и оба находились с животными и Ангелами (Мк 1:13).

Неверное представление о естестве Господа Иисуса влечет за собой неверное представление о происхождении греха и необходимости искупления и очищения. Бытовавшее в первом столетии мнение у иудеев о перевоплощении Адама в Мессию, порождало представление и о безгрешности Адама. В «Книге Еноха» вся вина за грехопадение человека в 6-й главе Бытия взваливается не на Адама, а на ангелов. Точно также и некоторые из ранних Христиан перекладывали вину за первородный грех с Адама на сшедших на землю ангелов, ибо именно так они истолковывали 6-ю главу Бытия (25). Во всем этом видно нежелание видеть грех таким, каков он есть на самом деле, смягчить вину человека, переложив ее на так называемых «падших ангелов». Так что, по меньшей мере, на психологическом уровне, кроется суть неверного понимания 6-й главы книги Бытия. Об этом подробнее написано в 5-й главе, моей книги «Настоящий диавол». Нежелание понять важность природы греха привело к ложным представлениям о спасении. Если верить гностицизму, человечество спасется просто благодаря «человеку с неба», который сойдет на землю и вновь вознесется на небеса (see the Naasene Hymn and Hippolytus in Refutations 5.6-11). В Библии же написано совершенно противоположное. Господь Иисус был рожден самой обыкновенной женщиной и жил как простой человек, испытывая в жизни все те же искушения (Евр 2:14-18; 4:15,16), и мы можем быть спасены лишь исключительно благодаря Его смертельной схватке и победе над грехом. А это сильно отличается от того, во что верят общепризнанное «Христианство», в котором, как и у гностиков, некий вечно живущий искупитель спасет нас, просто сойдя, а потом снова вознесясь на небо. Подобная гипотеза также касается и естества Самого Бога, ибо может ли Он в действительности простить все наши грехи перед Ним лишь потому, что кто-то сошел и снова вернулся на небо? На самом ли деле Библейский Бог такой педант и буквоед, что Ему важна всего лишь проформа, внешняя, видимая сторона дела? В Новом Завете много места уделено смерти и воскресению Иисуса Христа, а потому одного этого достаточно, чтобы не принимать всерьез вымыслы гностиков о схождении на землю и обратное возвращение на небо любого сверх существа ради нашего спасения. И все-таки именно на этом заблуждении основано все самое главное в «христианстве», даже, несмотря на то, что это полностью обесценивает понятия и смысл креста и воскресения. Мысль о «вознесении» Господа Иисуса на кресте уместна как в Его буквальном «вознесении», так и в образном «превознесении» Богом (см Ин 3:14 и проч. места, обыгрывающие эту мысль). Вознесение Господа на небо не было Его «возвращением» обратно, что следует из теологии гностиков о предвечном существовании. Это было чудесным превознесением «Человека Христа

Иисуса», вознесенного за Его дела с земли на небо. Очень верно было отмечено, что «догма о божестве Иисуса Христа превращает Иисуса в эллинское божество-искупителя, умножая тем самым мифологию, за которой не видно настоящего Иисуса» (26).

Больше того, Господь Иисус так часто ставится нам в пример, что если бы Он сошел на землю из далеких космических глубин, то пытаться следовать Его примеру, было бы полным абсурдом. Иисус был образом невидимого Бога, образом Его качеств (Кол 1:15; 2Кор 4:4), качествам Которого нам и заповедано подражать (Кол 3:10), постепенно преобразуясь в него (2Кор 3:18), обновляясь своим умом (Рим 12:2) в образ нашего Спасителя Иисуса (Рим 8:29; 1Кор 15:49). Именно так происходит наше искупление, благодаря совершенным внутренним качествам Иисуса, ставшим примером для каждого из спасаемых. Только так совершается искупление Иисусом, Которого Бог «соделал» Господом всех (Деян 2:36; Рим 1:4). А это большая разница с представлениями гностиков и поклонников «Троицы», согласно которым Господь всех сошел на землю. Ко всему прочему в их учениях начинается полная неразбериха, когда они начинают утверждать, что Иисус сходил на землю в ветхозаветные времена в виде Ангела, например, в образе Ангела, ведшего Израиль через пустыню. Если так, то возникает вопрос – когда же Иисус действительно сходил на землю для спасения людей? Несколько раз? Почему не хватило одного раза? Впрочем, сама идея, что Господь Иисус в Ветхом Завете был Ангелом основана не на Писаниях, а потому и должна отмечаться вместе с представлениями гностиков о Нем. Из Деян 14:11 нам известна склонность живших в первом столетии верить, что боги могут сходить на землю в образе человеческом, а потому верующие в «Троицу» просто воспользовались слабостями раннего Христианства, приспособив его к уже существующим верованиям.

Возвышенные понятия

Вместе с открытием и изучением все большего числа иудейской литературы, современной Новому Завету, а то и написанной раньше его, становится очевидным, что многие понятия и выражения, касающиеся Иисуса, на самом деле заимствованы из Иудаизма. И это ожидаемо, ибо писавшие Новый Завет и первые Христиане, в большинстве своем были Иудеями. Из Иудаизма пришло слово и само понятие Мессии (27), о котором говорилось как о Боге, из чего совсем не следовало, что говорившие о нем, как о Боге, также и почитали его за Бога, ибо Иудеи, как никто в этом мире были и остаются монотеистами. Представьте себе, если бы иудеям первого столетия предложили

отказаться от веры в единого (одного) Бога, и предложили верить в «Троицу». Почему в Новом Завете не описано ни одного случая возмущения евреев по этому поводу? Почему Павел молчит об этом? Ведь даже сегодня для верующих в «Троицу» их вероисповедание является камнем преткновения для верующих Иудеев. Лари Уртадо делает следующий вывод: «Фактически вся Христианская риторика первых Христиан, была заимствована из их собственного окружения» (28). Само собой, мы поступаем точно также, говоря, например, молодому, талантливому вратарю, что он Лев Яшин, а нападающего уподобляем Пеле. Примерно так же в конце 1990-х годов стало популярным слово «благовение», хотя, в отличии от его первоначального значения, и стало означать высшую степень почитания. Мы тоже используем восторженные слова и выражения, принятые в общении нашего времени. А потому, если читать Новый Завет не вырывая возвышенные и восторженные слова и выражения из контекста о Господе Иисусе, то не возникнет даже мысли, что Иисус равен Богу, так, как в то верят поклонники «Троицы». Исключительно из некоего слияния Иудаизма с Христианством в самом начале, последующие родившиеся Христиане из язычников, забыли, что на самом деле означали Иудейские слова и выражения, смешав из со своим привычным и знакомым язычеством, где схождение на землю богов и прочее, было обычным делом.

Сила влияния Иудаизма

Было бы удивительно, если б я не обратил внимания на силу влияния в первом столетии заблудшего Иудаизма на мышление заблудшего Христианства, чему достаточно много примеров в других областях вероисповедания, даже, среди языческих церквей. В «Песнях субботних жертвоприношений» был обнаружен текст, в котором говорилось, что в Кумранской церкви восхваляли Бога так же, как хоры Ангелов. Они считали себя, что восхваляют Бога «языками ангельским». Похожая мысль встречается и в «Свидетельстве Иова», где также говорится о прославлении Бога дочерьми Иова на языке Ангелов небесных. В этих двух апокрифических сочинениях можно встретить много знакомого из доводов Павла, когда он упрекает Коринфян в злоупотреблении «говорения языками»: «знаю все тайны (1Кор 13:2)... кто говорит на языке... говорит... Богу (1Кор 14:2)... буду петь духом (1Кор 14:15)... благословлять духом (1Кор 14:16)... у каждого из вас есть псалом (1Кор 14:26)» (29). Похоже, что в Коринфе сильное влияние на верующих языческих Христиан оказало влияние заблудшего Иудейства, чьи лжеучителя наставляли их впадать в экстаз и бормотать что-то под предлогом, что они говорят «ангельскими языками». В ответ Павел напоминает, зачем вообще был дан дар говорения языками – чтобы проповедовать другим

народам. Что хочу сказать, что даже на церкви, состоящие в Коринфе из обращенных язычников, оказывали сильное влияние иудейские лжеучителя. А потому нет ничего удивительного в том, что и на учение о естестве Господа Иисуса, которое было так важно в зарождавшейся новой Христианской религии, так сильно повлиял иудаизм.

Каббала

Каббала состоит из таинственных комментариев к книгам Моисеевым, составленных в книге под названием «Зоар». Утверждается, что эта книга была написана рабби Шимоном Бар Йоханом во 2-м веке н.э. Эта книга позволяет понять, как мыслили иудеи того времени. В «Зоаре» о Боге часто говорится, как о «взаимосвязанном» в Себе Боге, как о Боге, слитом из трех частей. Майкл Лодал пишет: «Зоар, почти в самом начале так определяет взаимосвязь: «Три исходят из одного, и одно состоит из трех. Одно состоит из двух, и двое – из одного, ибо одно питает многих, составляющих одно целое» (1:32b). Таким образом, всё образует одно: избыточное, многостороннее осознание Бога» (30). Не правда ли, все это сильно напоминает описание «Троицы»? Не потому ли так трудно представить, что подобные иудейские философии не повлияли на возникновение понятия «Троицы»?

Примечания

(1) See Larry Hurtado, *One God, One Lord: Early Christian Devotion And Ancient Jewish Monotheism* (London: T. & T. Clark, 2003) pp. 71-92.

(2) N.A. Dahl, "Christ, Creation And The Church" in *The Background Of The New Testament*, ed. W.D. Davies and D. Daube (Cambridge: C.U.P., 1964) pp. 422-443.

(3) Vincent Taylor, *The Person Of Christ In New Testament Teaching* (London: Macmillan, 1959) p. 62.

(4) Evidence provided in Rudolf Bultmann, *Theology Of The New Testament* (New York: Scribner's, 1965) Vol. 1 pp. 132, 176, 178.

(5) See J. Moffatt, *The Epistle To The Hebrews* (Edinburgh: T. & T. Clark, 1924) pp. 11,38; C.K. Barrett, *The New Testament Background* (San Francisco: Harper Collins, 1989 ed.) pp. 174-184.

(6) Arthur Gibson, *Biblical Semantic Logic* (Oxford: Basil Blackwell, 1981) p. 26. The same point is often exemplified in James Barr, *The Semantics Of Biblical Language* (Oxford: O.U.P., 1961).

(7) See my *The Real Devil* Chapter 1.

(8) John Macdonald, *The Theology Of The Samaritans* (Philadelphia: Westminster Press, 1964) p. 162.

(9) References in James Dunn, *Christology In The Making* (Philadelphia: Westminster Press, 1980) p. 100.

(10) Martin Hengel, *Acts And The History Of Earliest Christianity* (London: S.C.M., 1979) p. 106.

(11) See John Hick, ed., *The Myth Of God Incarnate* (London: S.C.M., 1977) p. 67.

(12) John Macdonald, *op cit.*, pp. 135, 221, 306.

(13) W. Bauer, *Orthodoxy And Heresy In Earliest Christianity* (London: S.C.M., 1972) pp. 44-60; H.G. Kippenburg, *Gerazim And Synagogue* (Berlin & New York: Gruyter, 1971) pp. 205, 316, 367.

(14) Mentioned in Bauer, *op cit.*, p. 44.

(15) Harry Whittaker, 'The Jewish Plot', in *Studies In The Acts Of The Apostles* (Wigan: Biblia, 1991); and my 'The Jewish Satan' in *The Real Devil* (Sydney: Aletheia, 2007).

(16) Michael Goulder, in John Hick, ed., *The Myth Of God Incarnate* (London: S.C.M., 1977) p. 84.

(17) J. Danielou, *The Theology Of Jewish Christianity: A History Of Early Christian Doctrine* (London: Darton, Longman & Todd, 1964) chapter 4, 'The Trinity and Angelology'.

(18) James Dunn, *Christology In The Making* (Philadelphia: Westminster Press, 1980) pp. 132, 150.

(19) H. Ringgren, *Word And Wisdom* (Lund: Ohlsson, 1947) pp. 165-171. See too his *The Faith Of Qumran* (Philadelphia: Fortress, 1963).

(20) See documentation in Oscar Cullmann, *The Christology Of The New Testament* (London: S.C.M., 1971) pp. 15,16.

(21) Kenneth Wuest, *Great Truths To Live By* (Grand Rapids: Eerdmans, 1952) p. 30.

(22) E.G. Selwyn, *First Epistle Of St. Peter* (Grand Rapids: Baker, 1983) p. 124. Likewise Emil Schurer: "In Jewish thinking, everything truly valuable preexisted in heaven", *The History of The Jewish People In The Age Of Jesus Christ* (Edinburgh: T & T Clark, 1979) Vol. 2 p. 522.

(23) H. Mowinckel, *He That Cometh* (Nashville: Abingdon, 1954) p. 334.

(24) E.C. Dewick, *Primitive Christian Eschatology* (Cambridge: C.U.P., 1912) pp. 253,254.

(25) For documentation, see Oscar Cullmann, *The Christology Of The New Testament* (London: S.C.M., 1971) p. 170.

(26) Martin Werner, *The Formation Of Christian Doctrine: An Historical Study Of Its Problems* (London: A. & C. Black, 1957) p. 298.

(27) See William Horbury, *Jewish Messianism And The Cult Of Christ* (London: S.C.M., 1998); Nils Dahl, "Sources of Christological language" in his *Jesus The Christ: The Historical Origins Of Christological Doctrine* (Minneapolis: Fortress, 1991) pp. 113-136.

(28) Larry Hurtado, *Lord Jesus Christ: Devotion To Jesus In Earliest Christianity* (Grand Rapids: Eerdmans, 2003) p. 75.

(29) References for all this can be found in Andrew Perry, 'The Songs Of The Sabbath Sacrifice And Tongues', *Christadelphian Journal Of Biblical Interpretation*, Vol. 2 No. 2 April 2008 p. 13.

(30) Michael Lodahl, *Shekhinah / Spirit: Divine Presence in Jewish and Christian*

Religion (Mahwah, NJ: Paulist Press, 1992) p. 86. See too S.M. Bernard Lee, "An 'Other' Trinity," manuscript form of a paper presented at the Conference on Jewish Theology and Process Thought at Hebrew Union College, New York (April 13, 1986), p. 4. There are several references to the connections between the Zorah and the formulation of Trinitarian doctrine in Jürgen Moltmann, *The Trinity and the*

Kingdom (New York: Harper and Row, 1981). Moltmann sought to justify the Trinity as a reflection of "the three modes of human freedom" which the Kabbalah speak of.

5. Грязная политика и учение о «Троице»

Из знакомства с «Посланиями о правилах Никейского собора» в переводе на английский язык «Собрания сочинений отцов церкви Никейского и после Никейского соборов» видно, что Афанасий Великий все время настаивал на исключительном праве церкви в истолковании Писаний, а потому, пользуясь этим правом, они истолковывали их по своему собственному желанию. Понятно, что со временем их толкования, основанные к тому же на выдержках из Библии, стали почитаться за единственно верные. Послание 5.20,21 гласит: «Епископы... были вынуждены выискивать суть Писаний... слова и выражения (касающиеся учения о «Троице»), которых так мало находится в Писаниях». И это было не очень трудно для тех, кто «был вынужден» делать это под угрозой обвинения в нехристианстве и отлучения от церкви. Вместо того, чтобы просто принять то, что написано в Библии, они были вынуждены принимать и объяснять верования чуждые ей. Точно также относятся к Библии и сегодня верующие в «Троицу», как и многие не верующие в нее.

Спор между Арием (неверующим в «Троицу») и Афанасием (верующим в нее) был скорее политическим, чем богословским или Библейским, ибо между ними шла борьба за власть. Поскольку Христианство в римской империи стало государственной верой, то и власть церкви стала государственной властью. У каждого из этих двух Христианских вождей было много последователей, и каждый из них стремился к власти, а их последователи воевали друг с другом в центральных городах, не брезгуя грязными средствами. Существует множество свидетельств избиений, а то и убийств последователей Афанасия не верующих в «Троицу» Христианами, большинства верующих до начала Никейского собора, когда их истерзанные мертвые тела выставляли на всеобщее обозрение (1). Впрочем, и верующий в «Троицу» Афанасий не отставал от них в жестокости. «Епископ Афанасий, будущий святой... своих противников отлучал от церкви, предавал анафеме, бил, запугивал, похищал, помещал в темницы и изгонял в удаленные области» (2). Как подобает любой борьбе за власть, противники поливали друг друга грязью, обвиняя в сношениях с дьяволом. При составлении «Символа веры» о естестве Иисуса возникли яростные споры с неверующими в «Троицу», во время которых спорящие не стеснялись резких выражений. Неверующих в «Троицу» обвиняли в «разделении хитона Христа», в новом распятии Его и во всех смертных грехах. К сожалению, этот дух поносить тех, кто придерживается других взглядов, дожил до наших дней и процветает среди верующих в «Троицу», которые не признают Христианами тех, кто в нее не верит. Арий в своем письме сожалел, что «их гонят за то, что они говорят, что у Сына было

начало, и что только Бог безначален» (3). На Никейском соборе епископ Николай, впоследствии ставший называться «Святителем Николаем», бил Ария по щекам (4). Сильно заблуждаются те, кто думает, что этот спор был спором между двумя набожными людьми, чье мнение не сошлось в толковании какого-то Библейского вопроса. Афанасий, чья интуиция была тоньше Ария, уловил настроения Константина, а потому и одержал победу. Именно поэтому он, не скрывая своих чувств и используя все способы ораторского искусства, втоптал в грязь своего противника в споре, чтобы склонить на свою сторону Константина, обвинив Ария в ереси, чтобы отодвинуть этого церковника на задний план в римской империи, а значит и на второй план в политике, когда недавно возрожденное Христианство становилось главной государственной религией. Примечательно то, что первоначальные планы принятия «Символа веры» были приняты и Арием, но поскольку Афанасий и его сторонники просто хотели избавиться от него, они составили «Символ веры» так, что примирение между ними стало невозможно, введя в него понятие «единосущности» Иисуса с Богом, с чем никак не мог согласиться Арий (5). И опять, это было принято волевым решением. Ни до не после не последовало серьезного изучения Библии.

Часто приходится слышать, что все это было очень давно, что с тех пор умные Христиане, взвесив все «за» и «против», пришли к правильному решению, которое и было принято ими, и которому они с тех пор следуют. Но, увы, всё далеко не так, а те, кто так думает, многого просто не знают. Афанасий со своими единомышленниками побеждал своих противников из Ариан, сжигая их церкви, сажая в темницы и ссылая подальше неверующих в «Троицу» главарей, клеймя их искусителями, насильниками, блудниками и т.п. (6). Если бы дело ограничивалось только спорами толкований Писаний, то не было бы подобных личных выпадов и насилий. Совершенно ясно, что вопрос принятия «Троицы» был вопросом политическим, но как бы там ни было, в любом случае нельзя допускать, чтобы наша вера и исповедание Бога и Его Сына определялись решениями церковных соборов, к тому же принятых много веков назад. Глядя на историю Христианской церкви очень трудно поверить, что решения «соборов» всегда принимались от Бога, и тем более, на основе Библии. Стоит всего лишь вспомнить о сжигании на кострах еретиков и обвиняемых в колдовстве, и пытках неверующих в «Троицу» таких как Мигель Сервет Лютером Кингом, антисемитизм, крестовые походы, инквизицию, церкви, сотрудничавшие с фашизмом, церкви, поддержавшие войны и Ку-клукс-клан в США и Южной Африке. Да мало ли на свете «Христиан», которые так «умилительно» прославляют его на весь мир. У нас воистину нет причин, чтобы «церковные соборы» решали за нас, кем является на самом деле наш Господь, Спаситель и Наставник, с Которым мы постоянно общаемся, слушая и размышляя над Его словом. Я не могу верить свою веру другим людям. Истинная вера не может быть верой «с чужого плеча». Она должна исходить непосредственно от Самого Господа

Иисуса и Его слова, а не от заезжего коммивояжера, жонглирующего изрядно потрепанным набором церковных клише, используемых, как минимум, с четвертого века.

Константин был политик, он не изучал Библию. «Целью Константина было создание нейтралитета, где могло бы найтись место, как христианству, так и язычеству... создание прочного союза [в римской империи] христиан с нехристианами» (7). Он также понимал, что Христианство само по себе может объединить, если станет государственной религией, а потому и хотел, чтобы на «соборе» было принято одно, единственное решение о естестве Иисуса. Для него были неприемлемы любые споры в среде Христиан. Всем спорам нужно было положить конец. Правым должны были быть одни, другим же надлежало умолкнуть. Он встал на сторону Афанасия по политическим соображениям, согласившись с «Троицей» и сослав Ария. Так Иисус «стал» Богом. Точно также, ради объединения церкви любой ценой, Константин согласился принять и остальные решения на Никейском соборе, которые также не имели ничего общего с Библией. Например, правила, по которым епископ не мог переходить из одной епархии в другую, назначение архиереев в Александрии, Риме и Антиохии, которые могли бы решать все будущие споры. Как думал и во что верил человек, не имело значения. Для Константина главным было единство в церкви, а, следовательно, как он считал, и империи. Одна империя – одна религия, а значит, в религии не должно быть разделений, как и несогласных с этим. Кто-то должен быть во всем прав, а кто-то – нет. К сожалению, подобное мышление сохранилось в некоторых церквях и по сей день. И всё из-за власти. Происходившие свары и разборки во времена зарождающегося Христианства должны служить серьезным предупреждением для живущих в последние дни.

Наследие Константина

Лично для меня очень спорным является утверждение Константина, что он «тринадцатый апостол». Такой человек едва ли годиться для роли отца основателя истинной церкви. Ведь он буквально убивал своих соперников. Насмерть в ванне ошпарил кипятком свою жену и казнил одного из сыновей. Обо всем этом пишет Пол Джонсон, как и о политических соглашениях принятия «Троицы»: «Его способности всегда лежали в области управления... у него был талант находить всех устраивающих компромиссы» (8). Так Константин писал, как священнику Арию, так и епископу Александру, что он не считает себя большим знатоком богословия: «Внимательно изучив и проанализировав происхождение всех этих разногласий, я пришел к выводу, что для

возникновения их нет, и не было причин, что нет вообще никаких веских оснований для подобной ожесточенной борьбы» (9). Все это было не что иное, как грязная политика, ибо очень скоро не признающие «Троицы» были изгнаны из церкви как неверные и еретики на основании того, что было названо Константином «не вескими основаниями». Несколькими веками позже во имя «Троицы» в крестовых походах подвергались насилию и грабежу мусульманские и иудейские города. Из-за того, что люди верили в одного Бога и не принимали «Троицу», они шли под меч. Из-за того, что Мигель Сервет не признавал «Троицы» Жан Кальвин приказал казнить его, ибо, как считал он, тот «заслуживал, чтобы его кишки были вырваны, а сам он разорван на части» (10). Так поступал Кальвин, отец, так называемой реформации, при которой ничего из главного так и не изменилось. Мигель Сервет был отвезен на место казни в грязной телеге и был сожжен вместе с написанными им против «Троицы» рукописями. Огню были преданы впоследствии все известные его книги, которые призывали Христиан к реформации церкви, но уже без «Троицы». Нескрываемое отвращение почитателей «Троицы» к неверующим в нее, сохраняется и по сей день, ибо они называют их неверующими в Христа сектантами, навешивая на них все немыслимые ярлыки.

Феодосий I Великий и 381 год

Постановления Никейского собора 325 года по указу были увековечены в камне в Константинополе императором Феодосием в 381 году. По этому указу любая другая Христианская вера называлась ересью, а потому и наказывалась не только по Римским законам, но и, как утверждалось, Богом. Историк Чарльз Фриман тщательно доказывает, что этот указ положил начало тому, что он называет «тупиком западного мышления» (11). Любое изучение Библии, или богословие, под страхом обвинения в ереси, теперь государственным христианством было поставлено на одни рельсы с «Троицей». Церковь подчинялась государству, а потому в Римской единой империи существовала одна церковь, или, так сказать, установилась «однопартийность». Светские законы поддерживали церковные. Лояльность к законам империи становилась лояльностью к законам церкви. Если империя провозглашала Бога «Троицей», любой другой взгляд на Бога считался опасным признаком инакомыслия. А потому «понятие «вера» означало то, во что верит церковь, а «грехом гордыни» - любое свободомыслие» (12). Епископы «ортодоксальной», верующей в «Троицу» церкви, были облечены властью лишать церковного общения и имущества «еретиков», а если было нужно пытаться и убивать их. Библиотеки и рукописи «еретиков» уничтожались. Свободомыслие и горячие философские

споры, всё то, чем так славился греческий Рим, постепенно сходило на нет. Даже христианское искусство попало под влияние и ограничения «Троицы», заполонившей всё и вся и, возможно, даже Христианское мышление. Степень разделений и обвинений Феодосием и его сторонниками не признающих «Троицу» хорошо видна на следующем примере: «Мы верим в... Святую Троицу. Всем, исповедующим это, заповедуем называться Христианами католиками. Остальных, которые следуют еретическим учениям, мы считаем бесноватыми и сумасшедшими. Места собраний не должны называться «церквами» и должны поражаться, во-первых, Божиим отмщением и, во-вторых, воздаянием нашего враждебного отношения к ним, которое соответствует Божиему осуждению... (Арианские) волки устремились на паству, осмеливаясь созывать враждебные собрания, подстрекая народ к противлению и разделением из-за ничего, что не может повредить церквам» (13). Такой сарказм напоминает другого сторонника «Троицы», Афанасия, который говорил о не принявшем «Троицу» Арии: «Со всей ответственностью говорю, что эти извращенные и неверующие... полностью извратили разумение, не стыдясь ереси... враждуя и ненавидя Самого Бога» (14). Так же гонения одних Христиан других яростно поддерживалось искусством. В римском законе нет статей против инакомыслия, хотя есть статьи о колдовстве, а потому любое иное понимание естества Господа Иисуса можно было подвести под это серьезное обвинение. Сожжением заживо на костре приговаривались, как правило, фальшивомонетчики и ту же самую казнь решили применять к тем, кто «фальшивит Христа», не принимая «Троицы». Стало опасно слишком много думать. Как о том было замечено епископом города Она: «Исповедуя Никейское вероисповедание, мы избегаем неудобных и трудных вопросов.... Умные богословы скоро становятся еретиками» (15). Поиски же на вопросы является основным инструментом в поисках истины, в поисках Бога и самостоятельного изучения Его слова. Однако одно лишь духовное желание поверить всему написанному в Библии, приравнивалось к одному из смертных грехов и подобное отношение к неверующим в «Троицу» кое-где сохранилось и поныне. Верующие в «Троицу», как только речь заходит о неверии в нее, перестают что-либо видеть и слышать, переставая понимать самые простые и очевидные истины.

Почему Феодосий так поступал? Почему он начал преследовать любого, отказывавшегося верить в «Троицу»? Причина находилась не в Библии, а в политике и честолюбии. Империя Рима разваливалась, а он не хотел этого, желая ее объединения через навязанное единство веры. Более того, Иисус в Евангелиях изображается как борец против Римской империи, как Человек, претендующий быть Царем вместо кесаря. Феодосий же настаивал на том, что Иисус был Богом, на фоне чего Его человеческая сторона заметно блекла. Можно вспомнить, что нацисты поступали точно так же: стараясь безуспешно привлечь церковь Германии на свою сторону, они большее внимание останавливали на

Его Божественности, умалчивая Его Иудейское происхождение, ибо вряд ли можно было ожидать поддержку в истреблении евреев Христианами, зная, что Сам Христос и, даже, Его имя имеют еврейские корни. Ко всему прочему империя при Феодосии подвергалась постоянным нападениям обращенных в Христианство готов, не исповедовавших «Троицы», а потому войны одних «христиан» с другими оправдывались тем, что войны Феодосием ведутся с отступниками, с христианскими еретиками, заслуживавшими жестокого наказания рукою Рима.

Примечания

(1) See Richard Hanson, *The Search For The Christian Doctrine Of God: The Arian Controversy 318-381* (Edinburgh: T. & T. Clark, 1988) p. 386.

(2) Richard Rubenstein, *When Jesus Became God* (London: Harcourt, 2000) p. 6.

(3) Quoted in Rubenstein, *ibid* p. 58.

(4) Mentioned in Rubenstein, *ibid* p. 77.

(5) As documented in Charles Freeman, *AD381: Heretics, Pagans And The Christian State* (London: Pimlico, 2008) p. 54.

(6) These things are chronicled extensively in T.D. Barnes, *Constantine And Eusebius* (Cambridge: Harvard University Press, 1981) pp. 18-27 and throughout T.D. Barnes, *Athanasius And Constantius: Theology And Politics In The Constantinian Empire* (Cambridge: Harvard University Press, 1993).

(7) H.A. Drake, *Constantine And Consensus* (Oxford: O.U.P., 1995). The same author concludes that Constantine realized that Christianity was unstoppable, and therefore it was better to merge with it than seek to destroy it. See his *Constantine And The Bishops: The Politics Of Intolerance* (Baltimore: Johns Hopkins Press, 2000).

(8) Paul Johnson, *A History Of Christianity* (New York: Atheneum, 1976) pp. 67,68.

(9) Quoted in Ian Wilson, *Jesus: The Evidence* (London: Harper & Row, 1984) p. 165.

(10) As quoted in A. Buzzard and C. Hunting, *The Doctrine Of The Trinity* (Oxford: International Scholars Press, 1998) p. 155. For more on Calvin's persecution of Servetus, see Marian Hillar, *The Case of Michael Servetus* (New York: Edwin Mellen Press, 1997).

(11) Charles Freeman, *The Closing Of The Western Mind* (London: Heinemann, 2002) and also *AD381: Heretics, Pagans And The Christian State* (London: Pimlico, 2008).

(12) Charles Freeman, *The Closing Of The Western Mind* (London: Heinemann, 2002) p. 341.

(13) As quoted in Charles Freeman, *AD381: Heretics, Pagans And The Christian State* (London: Pimlico, 2008) pp. 25,101. There are many similar quotations on record- see Richard Hanson, *The Search For The Christian Doctrine Of God* (Edinburgh: T. & T. Clark, 1988) p. 828.

(14) Quoted in Freeman, *op cit.* p. 70.

(15) As quoted in Henry Chadwick, *The Church In Ancient Society* (Oxford: O.U.P., 2001) p. 591.

6. Навязывание веры в «Троицу»

Томас Гастон, как и многие другие, отмечают, что, несмотря на быстрое развитие, основанного на Библии Христианства в первом столетии, во втором столетии Христиане старались достичь еще большего успеха и высот, привлекая в свои ряды более известных последователей, что находит свое отражение в большинстве апокрифических «Деяниях», «Посланиях» и «Евангелиях». Все они стремились изложить Христианство так, чтобы образованные люди из высших слоев общества могли также понять и принять его. Многочисленная критика, обрушившаяся на Христианство во 2-м веке такими как Цельсий, свидетельствует о том, что многим образованным людям того времени нравилось Христианство. Киртатос замечает: «В Новом Завете Христианство предстает в малопривлекательном виде... для образованных людей... одним из самых искренних желаний (Христиан) апологетов второго столетия... (было) перевод Христианства на понятный язык для высшего общества, чтобы и они могли принять его» (1). И это объясняет, почему Христианские апологеты начали представлять Библию Христиан с Платонической точки зрения. Так Филон, апологет иудейства, написал Иудейскую историю именно с этих позиций. Оставалось сделать лишь еще один шаг к принятию и слиянию с идеями Платона о бессмертии души, о предвечном существовании Слова и проч. И этот шаг вскоре был сделан. Желание привлечь и обратить образованных людей подтолкнуло членов первых церквей во втором столетии усвоить слова, выражения, а вместе с ними и мысли Платона, которыми они и стали говорить и писать о Господе Иисусе, которые прочно пристали к Нему. Некоторые из известных христиан второго столетия обращались в своих письмах к римскому императору, называя его «главным философом», умоляя его не преследовать Христиан потому, что христианство ни чем не отличается от греческой философии. Классический тому пример: «Первые извинения» Юстина Мученика (2). В апокрифе «Проповедь Петра 2» утверждается, что «мы (Христиане) и добрые Греки поклоняемся одному и тому же Богу» (3). На развенчание греческой философии, которого полным-полно в Новом Завете, просто перестали обращать внимание, и все ради угоды некоторых слоев общества. Как заметил Гастон: «Совсем не случайно, что неоплатонизм верил в триединство Бога» (4). Таким образом, благодаря искреннему желанию представить Христианство родственным Платонизму, в нем, несмотря на полное и явное противоречие Библии, утвердилось понятие «Троицы».

Примечания

(1) D.J. Kyrtatos, *The Social Structure Of The Early Christian Communities* (London: Virgo, 1987) p. 99. See too Thomas Gaston, *Proto-Trinity: The Development Of The Doctrine Of The Trinity In The First And Second Centuries* (MPhil. thesis, University of Birmingham UK, 2007, published by Lulu Press, 2007) p. 28.

(2) See F. Young in M. Edwards *et al*, eds., *Apologetics In The Roman Empire* (Oxford: O.U.P., 1999) pp. 83,84, 94.

(3) As cited in Gaston *op cit*. p. 35.

(4) Gaston *op cit*. p. 56.

7. Потеря настоящего Иисуса Христа

Думаю, что я просто обязан сказать, как было утеряно понятия о настоящем, подлинном человеческом естестве Сына Божия, которое мы видим на страницах Писаний, и которое сильно отличается от того, как Его видят верующие в «Троицу». Само понятие «Троицы» возникло из гностицизма, по которому настоящая жизнь начинается лишь после оставления мира сего и плоти. Однако, вопреки этому учению в Евангелии от Иоанна особо подчеркивается, как истинная жизнь была явлена как раз таки во плоти, в самой, что ни на есть мирской, человеческой жизни Господа Иисуса. Настоящее Христианство не приняло «Троицы», продолжая верить в Библейское определение очищения и искупления, для получения чего с нашей стороны необходимы тоже кой-какие усилия, ибо искупление является основой познания настоящего, подлинного Христа. Во 2-м веке на смену от всего сердца и от всей души искреннего покаяния, как того и требовал Иисус, пришло простое богословие, абстрагировавшее Его до пустоты, похоронив настоящего Иисуса под грудой теологических терминов и исключительно человеческих измышлений. Главное из этих заблуждений докатилось и до нас, к чему добавлю, что именно такие мистические теологии о «Бог» сотворили Его неприемлемым для евреев. Проповедование Его, как обыкновенного Человека принималось ими гораздо лучше жалких потуг наших церквей. К тому же стоит отметить, что вместе с насаждением понятия, что Иисус является «Богом», в церкви возрастали и антисемитские настроения. Некоторые из известных верных «Троице», прославились еще и как яростные антисемиты, среди которых были такие как Иоанн Златоуст, Иероним и Лютер. Не так давно, Герхард Киттель, издавший «Теологический словарь Нового Завета», также много писал о еврейском вопросе в нацистской прессе. Ведь именно Гитлер выдвинул идею, что Иисус на самом деле не был евреем, и что на Его естество надо смотреть с «Божественной» точки зрения, не обращая внимания на Его человеческое происхождение, отчего вина евреев увеличивалась еще больше (1). Главное же состоит в том, что мы благословенны возможностью вновь обратиться к Библейскому пониманию естества Иисуса, которое для миллионов людей затуманили богословы и политики. Нам же нужно жить так, как заповедовал Христос.

«Троица» - богословское понятие. Одной из причин появления учения о «Троице» было развитие науки богословия, а точнее, систематизации богословия, которая занималась главными вопросами учений религии, и очень скоро далеко отошла от Библии. Богословы римской католической церкви сокрушались, что «существует постоянная тенденция... разделять то, что называется догматическим, или

систематическим богословием от того, что зовут библейской экзегезой, разделяя их как в теории, так и на практике... ученым теологам часто, и не без оснований, приходится жаловаться, что слишком многие ученые богословы (т.е. выдумывающие учения – Д.Х.) выглядят так, как будто они вообще не читали Библии» (2). И как раз это-то и демонстрирует «Троица» - учение, возникшее и утвердившееся не на внимательном чтении Библии, а на философских домыслах о Боге и Иисусе.

Человеческая сущность Иисуса была для первых Христиан гораздо более острым вопросом, чем мы себе можем представить. Не стоит забывать, что в первом столетии сама мысль о том, что Бог или Его представитель мог чего-то бояться, удивляться, быть нагим и умаленным. Однако именно в таком виде предстает Господь Иисус в Евангелиях. Поверить, что этот Человек был Сыном Божиим и поклоняться Ему как Богу, было невозможно, как для первого века, так и для нас, сегодняшних. А потому нет ничего удивительного, что вокруг Господа и Его человеческого естества возникло так много разнообразных домыслов.

Нам необходимо постоянно спрашивать себя, знаю ли я Иисуса Христа? И ответы на этот вопрос самим себе могут быть вполне типичны: да, я знаю, что Он не был Богом, что Он был Человеком, и т.д. Но будет ли такой ответ честным и прямым? Действительно ли мы «знаем» это? На самом ли деле мы знаем это не только умом, но и сердцем? По-моему, слишком много внимания было уделено, и уделяется слову «естество», «природа». Главное же, что нам нужно знать, это сущность Иисуса, то, каким Он был Человеком во время Своей земной жизни. Не в богословском пустословии, а в обыкновенном человеческом понимании. Афанасия Великий, создавший «Символ веры» и веру в «Троицу», утверждал, что во Христе не перевешивало никакое естество, все было равноценно и беспристрастно. И это – явное противоречие настоящему Христу, о Котором читаем на страницах Нового Завета, чье победоносное противостояние искушениям сопровождалось кровавым потом.

Отделение Иисуса от Его естества

Приверженцы «Троицы», после отделения Человека Иисуса от Его естества, закончили тем, что пришли к причудливым выводам. «Он разрешал Своей плоти плакать, хотя по природе был бесстрастен и беспечален» (Кирилл Александрийский, «Толкования на евангелие от Иоанна»). «Он страдал за нас, но не так как мы. Он был подобен нам телом, чувствующим боль, хотя Его естество не ощущало ее» (Хилари). «Во всей полноте и во всем совершенстве человеческой природы, был

рожден Сам Бог» (Папа Римский Лев I, Том 5) (3). Все это довольно-таки нелепо, ибо все эти богословы говорят о естестве Иисуса так, как будто оно существует отдельно от Него. И нам, неверующим в «Троицу», надо быть очень осторожными, чтобы не впасть в то же самое, или очень похожее заблуждение. Не думая о богословских определениях, мы говорим об «обладании естеством», подразумевая человеческое естество Иисуса. Часто подобные слова и выражения отвлекают внимание людей от Него Самого, как Человека, от Его человеческой сущности, что так важно в Нем для формирования и нашей духовности. Суть Господа Иисусы и Его победы заключаются не столько в Его естестве, как и не в нашем определении Его естества, на что не обращают внимания верующие в «Троицу», а в *Нем Самом*. И это – главное!

Только видимость?

К тому же, так называемые «отцы церкви» закончили тем, что на самом деле Господь Иисус обманывал людей тем, что не будучи человеком, выглядел как человек, а потому о Нем и думали, что Он человек. Климент Александрийский утверждал: «Он ел не потому, что нуждался в подкреплении тела... Он не страдал потому, что не чувствовал ни удовольствия ни боли» (4). Ему вторил Хилари Пуатье (315-367): «Он принял образ раба, однако не обладал... слабостью человеческого тела» (5). Конечно же, все это умаляет, а то и вообще сводит на нет чудо и силу креста, превращая муки Иисуса в фарс и обман. Иисус был таким, каким Он был, и Ему также еще предстояло стать таким, как Он о Себе говорил, т.е. стать Сыном Божиим, таким, каким Он выглядел перед людьми, что так сильно привлекало к Нему их. Вселенский обман в таких масштабах вряд ли мог бы нас здесь на земле, сделать последователями Иисуса, чтобы и мы, живя на земле, могли каждый день подражать Ему во всем. Только то, что и Он, будучи Человеком, стал нашим Спасителем, вот, что вдохновляет нас. Некоторые утверждают, что о том, что Он был Богом, свидетельствуют сотворенные Им чудеса, а о том, что Он был также и Человеком, то, что Он ел, пил и утруждался. Господь же обещал Своим ученикам, что они, благодаря пережитому Им на кресте, они смогут творить чудес еще больше, чем Он (Ин 14:12). Он был таким, каким Он был, а я такой, какой я есть, а потому Его победа и превознесение стали личным примером для всех верующих в Него. Домыслы о том, что Он всего лишь «изображал» из Себя человека, улетучиваются лишь только начинаешь размышлять о Его смерти, о значении мертвого тела Иисуса. Этот безжизненный труп, в сравнении с бессмертием Божиим, был и остается явным свидетельством того, что Христос, по Своему естеству,

был Человеком. Бог не мог быть мертвым три дня, как был Господь Иисус. И Его последующее воскресение ни в коей мере не умаляет того, что в течение трех дней Он был мертв. А, вот если бы Он воскрес, не умирая на самом деле, тогда сам крест и последующее воскресение стало бы дешевой выдумкой. Так и мы, естественно страшась смерти (ср с Евр 2:15), приступаем к этому мертвому телу, желая быть частью его, чтобы стать причастниками и Его воскресения. Мы крестимся в смерть Его (Рим 6:3-5). Крещение означает гораздо больше, чем простое отождествление себя со смертью и воскресением Иисуса. Мы буквально «погреблись с Ним крещением в смерть» Его, погреблись вместе, одним погребением. Если Его смерть была воображаемой смертью, тогда и наше крещение теряет свое значение, а нам остается искать для себя другого спасителя, чтобы уже вместе с ним, став причастниками его, восстать из мертвых. Да и Сам Иисус крестился для того, чтобы лишний раз подчеркнуть нашу общую причастность, наше единство с Ним: *«Когда весь народ крестился, был крещен и Иисус...»* (Лк 3:21).

И здесь неплохо задуматься над Рим 8:3, местом, которое часто используют для подтверждения того, что Господь Иисус только выглядел Человеком. В Рим 8:3 написано, что Господь Иисус, чтобы спасти нас, был послан «в подобии плоти греховной». Греческое слово, переведенное как «подобие», в других местах подчеркивает одинаковость, сходство одного с другим, и не только «внешнюю видимость» (например, Рим 1:23; 5:14; 6:5; Флп 2:7). Богословы, среди которых есть и верующие в «Троицу», в основном согласны с этим. Вот два примера комментариев на это слово в Рим 8:3, и оба взяты у признающих «Троицу»: «Павел последовательно употребляет слово «подобие», чтобы явить отличия в схожести или одинаковости. Этим словом Павел утверждает коренное отличие Иисуса от нашей грешной плоти (σάρξ) (6). «Смысл слова (подобие) в Рим 8:3 ни в коем случае не означает различие между Христом и грешной плотью. Если Христос пришел ἐν ὁμοιώματι плоти греховной, то он пришел во всей полноте этой греховной плоти, явив ее такой, как она есть» (7).

Настоящий Христос

Я тоже не чужд богословским спорам о естестве Господа Иисуса. Я вовлекался в них столько много раз, что неизбежно дошел до возникновения вопроса, а какая, собственно разница? Ну, допустим, если мое мнение не принятия «Троицы» одержит верх, то, что изменится? На этих страницах я делал упор на поклонении Христу, как Человеку. Мы более склонны к выяснению природы Господа Иисуса, чем к поискам

ответа на простой вопрос, а что Иисус сделал и что Он значит для меня? А такой и подобные ему вопросы, требуют, часто неудобных ответов. Сегодня вопрос, что значит Христос для меня, также важен, как и для всех тех, кто дошел до него еще до меня. На память приходят Барт, Бонхёффер и Ч. Г. Додд, писавшие под конец жизни, пытаясь ответить на этот вопрос. Когда бы ни заходила речь о том, кем на самом деле был Господь, Он всегда, отвечая, переводил ответ на его жизненное значение. Иисус ни разу просто не ответил, что Он Сын Человеческий, не добавив к этому что-то еще. Потому что Он был Сын Человеческий, Ему надлежало пострадать (Мк 8:31). Потому что Он был Сын Человеческий, Он мог прощать грехи и, как надо, исполнять закон Моисеев (Мк 2:10,28). Именно поэтому Он является нашим ходатаем и посредником в молитвах (Евр 2:14-18; 4:15,16). Всегда главное внимание уделяется не Его естеству, а Ему Самому, к тому, что Он делает и нашему отношению к этому. Так и нам в наши дни необходимо, чтобы Он жил в наших смертных телах, был в нашем подобии в нашей повседневной жизни.

Пробираясь через пустоту и сухость богословских суесловий об Иисусе, становится очевидным, что первое заблуждение заключается в созданном различии между настоящим, жившим в Галилее Иисусе и так называемым, «проповедуемым» церковью Иисусе Христе, в которого люди должны верить. И здесь стоит всегда помнить сказанное в Библии, что «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же». Важно то, каким Он был, есть и будет во веки. Такое понимание помогает не замечать всякие хитросплетения о «Троице» и постановления вселенских соборов, церквей и епископов. Каким был Иисус и чему Он учил тогда, тому же самому Он, оставаясь таким же, учит и сегодня. Мы уверовали в того же самого Человека, в Которого верили мужественные люди первого столетия, следовавшие за Ним в Галилее по немощным улочкам Иерусалима, Капернаума и Вифании. Да, Его естество сейчас изменилось, Он сейчас бессмертен, хотя и остается все таким же Человеком. Наше представление о Нем точно такое же, какое было у верующих в Него первых Апостолов, отличавшееся от последующих богословских наслоений. Мы веруем в Человека, Который действительно жил и живет, а не в того, придуманного людьми, Иисуса, который жил и существовал лишь в их собственном воображении и богословии. Возможно, что как раз в этом и заключается главная причина того, что я не верю в «Троицу» и считаю это правильным. Да и Сам Иисус из Назарета даже не намекал, что Он является ипостасью «Троицы». Так и один из мировых лидеров Протестантизма в заключении 700 страниц теологического труда, посвященного Господу Иисусу, согласился: «Забудьте все псевдо ортодоксальные попытки сделать Иисуса из Назарета вторым лицом Троицы, забудьте долгие и скучные сравнения лишь с виду напоминающие православие» (8). Мне нравится, как Том Райт называет Троицу псевдо ортодоксальной. С чисто мирской точки зрения, слишком многие христиане считают себя православными по привычке «веря» тому, что им говорят в церкви о той же «Троице». Но если

они обращаются к Писаниям, к новозаветному Иисусу, обращаются к Христу, а не к принятому в этом мире «христианству»... они возвращаются к настоящему православию, к истинной вере, к которой стоит прилепиться. Там Иисус совсем не выглядит равным Богу Отцу, и уж конечно, не выглядит и второй ипостасью «Троицы». Повторять одни и те же избитые фразы, одни и те же, надоевшие сравнения, якобы помогающие понять суть «Троицы», можно вечно, что не изменит простой истины – слово «Троица», как и само понятие, не встречается в Библии.

Лев Толстой, уже в возрасте, тоже пришел к Христу, однако, когда дело дошло до учений и жизни церкви, отказался верить в «Троицу», понимая, что она взята не из Библии. Возможно, это подразумевается в «Анне Каренине», когда она размышляет о Господе Иисусе и Пилате. Ей нравилось в Нем Его человечность, и она с удивлением говорит: «Неужели вы не видите, как Он жалеет Пилата?!» Голенищев сожалел, что на всех картинах Иисус больше выглядит как Человек, нежели Бог. Актер Михайлов вторит: «Я не могу играть Христа, я не чувствую Его в себе... только величайший актер может справиться с этой ролью». Но ему парирует тот же Голенищев: «Как для верующего, так и для неверующего остается один вопрос, Он Бог, или не Бог?» «Но почему, мне, образованному и культурному человеку, - говорит Михайлов, - это должно быть очевидно ясно?» (9). Почему это должно быть очевидно мне и многим, многим других?

Как среди известных, так и среди обыкновенных Христиан различных церквей и деноминаций растет неудовлетворение «Троицей», возраставшее во второй половине двадцатого столетия, и не достигшее своего пика до нынешних дней (10). Эта книга всего лишь малая часть всеобщего возвращения обратно к Библейскому Иисусу. Необходимость современного мира заделать в себе прореху в осознании Иисуса, Который был настоящим, хотя и безгрешным Человеком, может быть совершена. Наше постоянное ощущение голода и жажды, наши лишения, страдания от гонений и несправедливости, уход и оставление друзей, семьи и общества, неминуемое приближение смерти и не оставляющее всю жизнь чувство одиночества, заставляет нас вопить о сочувствии и сострадании кого-то, кто так же, как мы, голодал и жаждал, страдал и умер, кто может избавить нас от всего этого. И это может сделать лишь один Человек – настоящий Иисус Христос. Пока мы бродим по этому миру туда-сюда, только Он подкрепляет нас, когда мы размышляем о Его терпении, страданиях и Его непоколебимости перед лицом немыслимой несправедливости. Его неизменное милосердие и доброта среди человеческой жестокости и безнадежности. Его крестная смерть, когда Он больше внимания уделял не Себе, а другим, явила суть всей Его жизни, жизни ради людей. Но самое главное, самое важное и самое значительное, что трудно выразить словами, состоит в том, что то, что Он, будучи Человеком, все же принес Себя в жертву, совершился и сделался

виновником вечного спасения, избавляя нас от многих печалей от жестокосердия и трудностей последования Его вдохновляющему примеру. Мы же смиренно и с благодарностью принимаем это спасение в Нем сейчас и во веки.

Примечания

(1) *Hitler's Table-Talk: Hitler's Conversations Recorded by Martin Bormann* (Oxford: O.U.P., 1988) pp. 76, 721.

(2) Edmund Hill, *Being Human* (London: Geoffrey Chapman, 1984) pp. 4,5.

(3) All quoted from T.H. Bindley, *The Oecumenical Documents of the Faith* (London: Methuen, 1950).

(4) *Stromateis* 6.9 (71), as found in Henry Bettenson, translator, *The Early Christian Fathers* (Oxford: O.U.P., 1956).

(5) De Trinitate 10.24,25, as found in Bettenson, op cit.

(6) Thomas Weinandy, *In the Likeness of Sinful Flesh* (Edinburg: T & T Clark, 1993) p. 79.

(7) Vincent Branick, "The Sinful Flesh of the Son of God", *The Catholic Bible Quarterly* 47 (1985) p. 250.

(8) N.T. Wright, *Jesus And The Victory Of God* (London: S.P.C.K, 2004) p. 653.

(9) In English translation, this section is in Leo Tolstoy, *Anna Karenina* translated by Joel Carmichael (London: Bantam Books, 1981 ed.) pp. 503-508.

(10) This is evident from any summary account of the history of Christology in this period- see, e.g., Elizabeth Johnson, *Consider Jesus: Waves of Renewal in Christology* (New York: Crossroad, 1990) pp. 19-65; William M. Thompson, *The Jesus Debate: A Survey and Synthesis* (New York: Paulist Press, 1985) pp. 14-78.